МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

Печатано

по опредѣленію Императорской Россійской Академіи
отъ 6-го Маія 1833 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

КНИГА 1-я.

КНИГА 2-я.

КНИГА 3-я.

КНИГА 4-я.

КНИГА 5-я.

КНИГА 6-я.

О ДВѢНАДЦАТИ КНИГАХЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ,

Къ Марцеллу Викторію.

I. Что побудило Квинтиліана написать сіи наставленія, и посвятить ихъ Марцеллу Викторію. II. Какія качества предполагаются въ Ораторѣ. III. Раздѣленіе всего сочиненія. IV. Какимъ слогомъ писаны наставленія, и кому полезны быть могутъ.

I. Послѣ двадцати-лѣтнихъ трудовъ, посвященныхъ мною наставленію юношества, едва получилъ я желаемое отдохновеніе, какъ нѣкоторые изъ друзей моихъ начали просить меня написать что-либо о краснорѣчіи, изложивъ правила онаго въ надлежащемъ порядкѣ. Я долго отговаривался тѣмъ, что на

Латинскомъ и на Греческомъ языкахъ знаменитѣйшіе Писатели оставили для потомства много сочиненій, до сего предмета относящихся. Однакожъ, самое то, чѣмъ думалъ я сдѣлать отговорку мою извинительнѣе, еще болѣе возбудило ихъ къ настоянію; они возражали, что между различными, и часто одно другому противными мнѣніями предшественниковъ, трудно найти истину. Тогда мнѣ и самому показалось, что требованіе друзей было справедливо; надлежало принять на себя трудъ, если не изобрѣтать новое, то, по крайней мѣрѣ, о старомъ преподать мое сужденіе. Хотя не столько увѣренность, что требуемое исполнить могу, сколько стыдъ отказать имъ, убѣдилъ меня къ предпріятію: но, какъ въ послѣдствіи начало открываться мнѣ пространнѣйшее поле, то я уже изъ доброй воли рѣшился взять на себя еще труднѣйшую обязанность, нежели какая возлагалась друзьями, чтобы тѣмъ и угодить вполнѣ имъ, и не попасть на чужіе слѣды, избравъ общую дорогу. Ибо почти всѣ, писавшіе о наукѣ краснорѣчія, принимались за то такъ, какъ будто бы уже, во всѣхъ родахъ познаній усовершенствован-

нымъ лицамъ показать только хотѣли самую высшую степень витійства: они или презирали, какъ маловажное, то, чему наипервѣе научиться надлежало: или почитали къ своей дожности непринадлежащимъ, поелику всякъ избиралъ для себя какую нибудь отдѣльную часть сей науки: или, что ближе къ истинѣ, не надѣялись пріобрѣсти славы, говоря о вещахъ, хотя и нужныхъ, но неблистательныхъ: возвышенныя только части зданій въ глаза бросаются, а основаній не видно. Я, напротивъ, не считаю ничего такого чуждымъ риторическаго искуства, безъ чего успѣть въ ономъ не можно; ибо ни въ чемъ достигнуть совершенства не льзя, не познавъ предварительно самыхъ началъ дѣла. Посему не опущу войти и въ тѣ мнимыя малости, безъ которыхъ, если и пренебрежешь ихъ, не получишь успѣха въ познаніяхъ и большей важности: и не иначе, какъ будтобъ мнѣ данъ былъ Ораторъ на воспитаніе, постараюсь излагать мои наставленія, начавъ отъ самаго его дѣтства.

Сочиненіе мое посвящаю тебѣ, Марцеллъ; не по одной дружбѣ, не ради ревностной твоей только любви къ словеснымъ наукамъ,

(хотя и сихъ причинъ было бы достаточно), я почелъ тебя достойнѣйшимъ сего залога взаимной между нами пріязни; но и потому, что твоему сыну, который въ нѣжномъ возрастѣ подаетъ уже великую надежду о своихъ дарованіяхъ, мое сочиненіе будетъ, кажется, не безполезно. Наставленія мои, отъ самыхъ первыхъ началъ краснорѣчія, и чрезъ всѣ науки, какія только могутъ служить пособіемъ будущему Оратору, положилъ я довести до совершеннаго окончанія дѣла.

На сіе рѣшился я потому болѣе, что уже двѣ книжки въ семъ же родѣ появились подъ моимъ именемъ; но онѣ не мною выданы въ свѣтъ, и назначены на то не были. Одна составлена учениками изъ моихъ дvудневныхъ имъ преподаваній о семъ предметѣ: другая собрана въ разныя времена изъ моихъ же изустныхъ наставленій, сколько уловить и записать было имъ можно; добрые, но ко мнѣ слишкомъ усердные юноши, необдуманно захотѣли сдѣлать мнѣ честь, обнародованіемъ своихъ записокъ. Почему и въ настоящемъ моемъ сочиненіи найдутся индѣ тѣ же мѣста, многія съ перемѣнами, многія съ прибавленіями, а всѣ вообще въ

лучшемъ порядкѣ, и, сколько позволяла мнѣ возможность, рачительнѣе обработаны.

II. Совершеннымъ Ораторомъ никто, по мнѣнію моему, быть не можетъ, не будучи добрымъ человѣкомъ: и потому не одной превосходной способности къ краснорѣчію, но всѣхъ душевныхъ доблестей въ немъ требую. Никакъ не могу согласиться съ тѣми, кои полагаютъ, что научать, какъ честно и справедливо жить, исключительно принадлежитъ Философамъ: ибо того истиннаго гражданина, способнаго управлять общественными и частными дѣлами, умѣющаго совѣтами своими содержать спокойствіе между сожительствующими, ограждать ихъ законами, назидать здравыми сужденіями, можно ли не почесть Ораторомъ? Итакъ хотя я и буду прибѣгать къ правиламъ, въ писаніяхъ Философскихъ содержащимся, однако не престану утверждать, что оныя, и къ предмету моему, и собственно къ наукѣ краснорѣчія, принадлежатъ по всей справедливости. Не ужели всегда, какъ надобно говорить о великодушіи, правотѣ, воздержаніи и прочихъ подобныхъ добродѣтеляхъ, которыя едва ли не во всякую рѣчь входятъ, и,

къ изъясненію своему, требуютъ риторическаго *изобрѣтенія* и *изложенія*, не ужели вездѣ, гдѣ нужна сила разума и обиліе слова, надлежитъ отдѣлять для Оратора какія-либо особенныя части?

Части сіи, какъ доказалъ Цицеронъ весьма ясно, естественно составляли прежде нѣчто цѣлое, нераздѣльное; да и нужда требовала, чтобы мужъ мудрый былъ вмѣстѣ и Ораторъ искусный. Потомъ направленіе умовъ раздѣлилось, и отъ безпечности нашей вышли многія, и по видимому, разныя науки. Ибо, коль скоро стала словесность дѣлаться ремесломъ, и дары витійства начали употребляться во зло, то почитавшіеся краснорѣчивѣйшими, попеченіе о нравахъ вовсе пренебрегли, предоставивъ оное въ удѣлъ умамъ слабѣйшимъ. А нѣкоторые, презрѣвъ искуство слова, и занявшись только правоученіемъ, хотя важнѣйшую изъ краснорѣчія часть (естьли можно дѣлить оное на части) при себѣ удержали, но приняли самое высокомѣрное названіе Философовъ, какъ будто единственные любители мудрости: названіе, коего ни великіе полководцы, ни знаменитыя Государственныя особы, при-

своять себѣ никогда не дерзали, лучше желая дѣлать, нежели обѣщать доброе. Я не отрицаю, чтобы многіе изъ древнихъ Любомудровъ не преподали хорошихъ правилъ, и на самомъ дѣлѣ не исполняли ихъ (*); но въ наше время подъ симъ названіемъ многіе скрывали въ себѣ величайшіе пороки. Ибо не по добродѣтели и знаніямъ старались казаться Философами; но лицемъ угрюмымъ, странною одеждою и отмѣннымъ отъ другихъ поведеніемъ, только прикрывали самые развращенные нравы.

Нынѣ мы всѣ говоримъ о предметахъ, даже собственно къ Философіи относящихся. Кто даже между порочнѣйшими, не разсуждаетъ о честности, справедливости, о всѣхъ добродѣтеляхъ? Кто изъ крайнихъ даже невѣждъ не дѣлаетъ иногда вопросовъ о причинахъ явленій естественныхъ? Ибо свойство и различіе словъ понимаетъ почти всякой, кто хотя нѣсколько учился языку своему. Но Ораторъ все то и знать основательнѣе и объяснять лучше долженъ: и

(*) Фабій писалъ сіе, кажется, по изгнаніи Философовъ изъ Рима по повелѣнію Домиціана.

естьли бы былъ когда нибудь совершенный витія, мы не заимствовали бы правилъ добронравія отъ школъ Философовъ. Нынѣ иногда нужда заставляетъ прибѣгать къ тѣмъ писателямъ, кои захватили оставленную (какъ я сказалъ) и еще самую лучшую часть Ораторскаго искуства; теперь есть долгъ нашъже востребовать отъ нихъ, какъ нашу собственность, не для того, чтобъ воспользоваться ихъ изобрѣтеніями, но дабы показать, что они чужое себѣ присвоили.

Итакъ да будетъ Ораторъ таковъ, чтобъ его по справедливости можно было назвать и мудрецомъ; не только совершенъ во нравахъ (ибо сего, по мнѣнію моему, хотя другіе иначе думаютъ, еще не довольно), но совершенъ и во всѣхъ знаніяхъ, во всѣхъ качествахъ, потребныхъ для краснорѣчія. Можетъ быть, таковаго еще не бывало. Не смотря на то, надлежитъ не менѣе стремиться къ совершенству; мы должны подражать многимъ изъ древнихъ писателей, кои хотя не чаяли найти ни одного мудреца совершеннаго, но преподали намъ правила мудрости. Ибо есть непремѣнно совершенное краснорѣчіе, и достигнуть онаго, свойство

ума человѣческаго не воспрещаетъ: а ежели въ томъ и не удастся, по крайней мѣрѣ, кто старается взбираться вверхъ, будетъ выше того, кто, отчаясь въ успѣхѣ, на низу остается.

III. Почему, надѣюсь, простятъ мнѣ, ежели не опущу ничего и маловажнаго, но, по мнѣнію моему, нужнаго къ предпріятому мною дѣлу. Итакъ первая книга будетъ содержать въ себѣ то, что предшествуетъ должности ритора. Во второй изложатся первыя начала для ритора, и разсужденія о сущности самой Риторики. Въ пяти слѣдующихъ книгахъ изъяснятся правила, *изобрѣтать*, а потомъ, какъ *располагать мысли.* Четыре книги опредѣляются для *изложенія*, въ часть коего входятъ *память* и *произношеніе.* Одна еще прибавится относительно къ лицу самаго Оратора; въ ней покажу, сколько слабыя силы мнѣ позволятъ, какихъ нравовъ быть онъ долженъ, чего ему держаться въ тяжебномъ дѣлѣ, которое на себя принимаетъ, разсматриваетъ и въ судѣ защищаетъ; какой родъ краснорѣчія тогда употреблять, въ какое время оставлять

свое поприще долженъ, а послѣ того какія упражненія приличествовать ему могутъ.

IV. Сверхъ же всего, я постараюсь по приличію предметовъ, слогъ мой такъ расположить, чтобъ учащіеся не только познаніемъ тѣхъ частей, кои однѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, заслуживаютъ названіе науки, обогащались, и, такъ сказать, самыя существенныя правила Риторики ясно понимали, но пріобрѣтали бы обиліе и вмѣстѣ крѣпость въ краснорѣчіи. Ибо правила, изъ показанія неумѣстной краткости, совсѣмъ, какъ говорится, голыя, ослабляютъ и истребляютъ все, что ни есть благороднѣйшаго въ словѣ, весь сокъ ума въ себя всасываютъ, и какъ бы обнажаютъ кости, которыя и связываться жилами и прикрываться тѣломъ должны. Посему я не ту часть, гдѣ голыя только правила содержатся, по примѣру многихъ, но все, что почелъ за нужное и полезное къ наставленію Оратора, въ сихъ двѣнадцати книгахъ помѣстилъ, съ краткимъ всего объясненіемъ. Говорить же о каждомъ предметѣ подробно, было бы ничего не кончить.

Но я долженъ предварительно объявить, что всѣ правила, всѣ науки, не принесутъ, безъ помощи природы, ни малѣйшей пользы. По сей причинѣ, для того, кто не одаренъ способностями ума, наставленія мои будутъ тоже, что и наставленія о воздѣлываніи полей вовсе безплодныхъ. Есть и другія природныя пособія, какъ-то: голосъ, крѣпость тѣла, здоровье, благовидная наружность, которыя, хотя бы въ началѣ были и посредственны, могутъ попеченіями усовершиться; но есть люди, кои лишены сихъ пособій до такой степени, что дарованія разума, и природныя, и пріобрѣтенныя, въ нихъ помрачаются: равно какъ и самыя дарованія сіи, безъ искуснаго наставника, безъ прилѣжанія къ ученію, безъ непрерывнаго упражненія въ чтеніи, писаніи и изустномъ объясненіи мыслей, сами по себѣ приносятъ мало пользы.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

О ВОСПИТАНІИ БУДУЩАГО ОРАТОРА.

I. Въ дѣтяхъ рѣдко недостаетъ природныхъ способностей; чаще недостаетъ попеченія объ нихъ. II. Какихъ свойствъ должны быть кормилицы, родители, товарищи, учители. III. Съ Греческаго языка начинать ученіе. IV. Учить дѣтей можно прежде семилѣтняго возраста. V. О чтеніи и письмѣ.

I. Итакъ, отецъ, коль скоро родится у него сынъ, долженъ съ тогоже самаго времени возъимѣть объ немъ добрую надежду. Такая мысль предварительно возбудитъ попеченіе о воспитаніи дѣтища. Ибо несправедливо жалуемся, будто бы природа весьма немногимъ людямъ дала потребную способность къ наукамъ, и будто бы большею частію напрасно и трудъ и время тратятся надъ тупыми умами. Напротивъ, найдемъ не малое число и острыхъ и понятныхъ. Это есть нѣчто врожденное въ человѣкѣ: какъ отъ природы дано птицамъ летать, конямъ рыстать,

дикимъ звѣрямъ быть свирѣпыми; такъ намъ достались въ особенный удѣлъ разумъ и понятливость: сіе-то заставляетъ думать, что наша душа есть небеснаго происхожденія. Тупыя и непонятныя головы появляются столько же противъ законовъ природы, какъ и всякіе другіе выродки: но таковыхъ весьма мало бываетъ. Доказательствомъ сему служитъ то, что въ отрокахъ блещетъ надежда, много добраго впредь обѣщающая, но которая съ лѣтами исчезаетъ; слѣдовательно не природа виновата, а недостатокъ воспитанія тому причиной. Я согласенъ, что одинъ имѣетъ болѣе ума, нежели другой; сіе доказываетъ только, что одинъ можетъ сдѣлать болѣе, нежели другой: однако не найдешь никого, кто бы чрезъ прилѣжаніе въ чемъ нибудь не успѣлъ. Итакъ всякій родитель, убѣдясь сею истиною, да исполнится надеждою о своемъ сынѣ при самомъ его рожденіи, и да употребитъ всевозможное попеченіе о воспитаніи будущаго Оратора.

II. Прежде всего надобно смотрѣть, чтобы кормилицы не имѣли дурнаго выговора или испорченнаго нарѣчія. Хрисиппъ совѣтуетъ избирать для сего, естьли есть возможность, самыхъ умныхъ и добродѣтельныхъ. Хотя болѣе всего надлежитъ уважать въ нихъ нравственность, однако нужно, чтобъ онѣ и говорили

чисто. Дитя слышитъ свою кормилицу прежде всѣхъ, и по ея рѣчамъ свои слова произносить старается. И естественно, удерживаемъ долѣе въ памяти то, чему въ малолѣтствѣ научаемся; запахъ, коимъ новый сосудъ напитается, на долго ощутителенъ; и краска, коею простая бѣлизна волны покрывается, совершенно никогда не смывается. А притомъ еще, худыя привычки въ насъ тѣмъ болѣе укореняются. И всякое добро удобно во зло премѣняется: и всегда ли удается превратить худое въ хорошее? Итакъ надобно смотрѣть, чтобъ дитя, въ нѣжномъ возрастѣ, не пріучался къ такому выговору, или нарѣчію, отъ котораго отучать послѣ будетъ нужно.

Что же касается до родителей, желательно, чтобы они были, сколько можно, болѣе просвѣщены. Я не объ отцахъ однихъ говорю. Ибо извѣстно, что краснорѣчію Гракховъ много способствовала и мать ихъ Корнелія; ея изящный слогъ видѣнъ изъ писемъ ея, до насъ дошедшихъ. Сказываютъ также, что дочь Леліева равнялась въ краснорѣчіи съ отцемъ своимъ. Рѣчь дочери Квинта Гортенсія, произнесенная предъ Тріумвирами, принесла бы честь и нашему полу. Однако изъ сего не должно заключать, что бы тѣ, кои сами учиться случая не имѣли, были менѣе обязаны пещися о ученіи дѣтей своихъ; они по

сей самой причинѣ должны обращать еще болѣе вниманія на прочія части воспитанія.

Объ отрокахъ, между коими будетъ воспитываться предназначаемый для Ораторскаго поприща, надобно разумѣть тоже, что я сказалъ о кормилицахъ.

Желалъ бы я болѣе всего, чтобъ приставники или дядьки (*) при дѣтяхъ были люди довольно свѣдущіе, или бы не мечтали о себѣ, что они свѣдущи. Ибо нѣтъ ничего хуже человѣка, который, помазавъ, такъ сказать, губы первыми началами ученія, станетъ упорно выдавать себя за великаго знатока. Онъ и искуснымъ наставникамъ уступить не захочетъ, и гордясь властію, каковую сей родъ людей, какъ бы по праву, себѣ обыкновенно присвояетъ, между тѣмъ съ повелительною грубостію передаетъ и дѣтямъ собственную свою глупость. Невѣжество ихъ не менѣе вредитъ и нравамъ. Діогенъ Вавилонскій увѣряетъ, что Леонидъ, дядька Александра Македонскаго, поселилъ въ немъ издѣтства нѣкоторые пороки, кои и въ зрѣлыхъ лѣтахъ сего великаго Государя не оставляли.

Естьли кому покажется, что я многаго требую, тотъ да помыслитъ, коль трудное

(*) У Римлянъ дядьками при дѣтяхъ бывали по большей части отпущенники (liberti).

есть дѣло воспитать Оратора: хотя бы при самомъ началѣ и были приняты всѣ нужныя къ тому мѣры, но еще остаются большія и гораздо важнѣйшія заботы. Потребуется для сего непрерывное упражненіе; понадобятся превосходные учители и различнѣйя познанія. Почему и надлежитъ преподавать наилучшія наставленія: ежели кто исполнять ихъ не захочетъ, какъ слишкомъ затруднительныя, тотъ долженъ винить не правила, а самаго себя.

Но когда бы нельзя было при дѣтяхъ имѣть такихъ, какихъ бы я желалъ, кормилицъ, соучениковъ и приставниковъ, то покрайней мѣрѣ стараться надобно сыскать хоть одного, языкъ свой знающаго, человѣка, который бы, находясь при питомцѣ безотлучно, тотчасъ поправлялъ всѣ ошибки, сдѣланныя другими въ его присутствіи, и не допускалъ его подражать имъ. Выше показалъ я, какъ достигнуть желаемой цѣли; а здѣсь скажу, какъ поправить уклоненіе отъ оной.

III. Я совѣтую учить дитя прежде языку Греческому: ибо Латинскій, какъ употребительнѣйшій между нами, самъ собою, и, такъ сказать, противъ воли нашей, перенимается: науки перешли къ намъ на Греческомъ; съ Греческаго и начинать должно. Но не надобно заставлять дитя ни долго учиться, ни долго говорить по Гречески, какъ-то многіе дѣлаютъ. Отъ сего

происходятъ недостатки и въ выговорѣ и въ оборотахъ природной рѣчи; ибо, отъ всегдашняго употребленія чужеземнаго языка привыкаемъ къ свойству онаго; а такую привычку съ великимъ трудомъ оставить можно. Итакъ вскорѣ за Греческимъ и Латинскій языкъ слѣдовать долженъ, и идти потомъ вмѣстѣ; дабы, предпочтя одинъ, не повредить другому.

IV. Нѣкоторые думаютъ, что не должно начинать учить дѣтей прежде семилѣтняго возраста, полагая, что до сего времени способности душевныя и силы тѣлесныя не позволяютъ еще заниматься ученіемъ. Таково было мнѣніе Гезіода, по сказанію многихъ писателей, жившихъ прежде Грамматика Аристофана, который первый доказалъ, что сіе твореніе, въ коемъ находится помянутое правило, не принадлежитъ Гезіоду. Правда и другіе, между прочими, Ератосѳенъ, были тогоже мнѣнія. Но основательнѣе разсуждаютъ тѣ, кои полагаютъ съ Хрисиппомъ, что ни одного времени въ жизни человѣческой не должно опускать безъ вниманія: ибо хотя сей Философъ и соглашается оставлять дѣтей на рукахъ кормилицъ на три года; однако требуетъ, чтобъ и тогда ихъ всему доброму наставляли. Такъ почему же бы нельзя было пріучать къ словесности въ такомъ возрастѣ, когда можно пріучать къ благонравію.

И я знаю, что во все это время, о которомъ здѣсь говорится, едва ли дѣти успѣютъ столько, сколько въ одинъ годъ послѣ успѣть могутъ. Но вопреки мнѣ мыслившіе жалѣли, кажется, труда не столько учащихся, сколько учащихъ. Притомъ же чѣмъ лучше упражняться дитя заставите, коль скоро говорить начнетъ? А упражненіе, какое ни есть, ему нужно. Для чего, въ ожиданіи семилѣтняго возраста пренебрегать выгоду, какова бы она ни была? Ибо, хотя въ нѣжныхъ лѣтахъ не многому научится, однако чему нибудь все больше научится въ тотъ годъ, въ который также бы надлежало ему учиться и сему немногому. Такимъ образомъ продолжая, годъ отъ году будетъ пріобрѣтать познанія, и достигнетъ желаемаго успѣха; и сколько времени выиграется въ дѣтствѣ, столько его сбережется для юношества. Тоже самое и о послѣдующихъ лѣтахъ разумѣть должно: что̀ нужно знать, тому не хорошо начинать поздо учиться. Итакъ не станемъ терять напрасно времени, тѣмъ паче, что для началъ всякой науки потребна одна память, которою дѣти одарены въ высочайшей степени.

И я также принимаю лѣта въ разсужденіе: не хочу, чтобъ дитя было принуждаемо къ ученію; не требую отъ него неослабнаго прилѣжанія. Совѣтую еще всего болѣе остерегаться,

чтобъ ребенокъ не возненавидѣлъ ученія, которое полюбить не имѣлъ еще времени; и чтобы испытавъ однажды горечь, не страшился ея и въ лѣтахъ зрѣлѣйшихъ. Ученіе должно быть для него забавою; надобно поощрять его, то просьбами, то похвалами; доводить его до того, чтобы радовался, когда что нибудь выучитъ; чтобы завидовалъ, когда станутъ учить другаго, если самъ вздумаетъ полѣниться: чтобы мѣрялся въ успѣхахъ со своими сверстниками, и часто почиталъ себя побѣдителемъ: для чего не лишни и награжденія, которыя для сего возраста бываютъ заманчивы.

Наставленія мои для воспитанія будущаго Ѳратора покажутся мѣлочными: но и въ наукахъ есть свое младенчество; какъ самыя крѣпкія тѣла получаютъ первую силу свою отъ молока и колыбели, такъ и великій витія начинаетъ съ дѣтскаго лепетанья, съ рѣчей маловнятныхъ, и слабаго произношенія даже буквъ азбучныхъ. Не ужели и учиться не нужно тому, что̀ само по себѣ не заключаетъ большой важности? Ежели никто не порицаетъ отца, который въ сынѣ своемъ не оставляетъ и са́мыхъ малостей безъ вниманія, то для чего охуждать человѣка, который доводитъ до общаго свѣдѣнія то, что̀ онъ въ домѣ своемъ сдѣлалъ бы съ пользою и похвалою? Чѣмъ простѣе предметъ,

тѣмъ удобнѣе для дѣтскаго понятія: какъ тѣло наше къ нѣкоторымъ движеніямъ членовъ приспособляется тогда только, когда еще молодо и нѣжно, такъ и умъ дѣлается ко многому неспособнымъ, естьли съ младенчества оставимъ его въ небреженіи. Филиппъ, царь Македонскій, вздумалъ ли бы сына своего Александра поручить, для первоначальнаго обученія, Аристотелю, величайшему того времени Философу, а сей захотѣлъ ли бы принять на себя сію должность, еслибы оба они не были увѣрены, что первыя наукъ основанія, искусною рукою положенныя, ведутъ къ совершеству? Итакъ представимъ, что порученъ намъ Александръ, дитя толь любезное, толь достойное всякаго попеченія (и кому свое таковымъ не кажется?); представимъ, что онъ перешелъ къ намъ изъ рукъ нянь своихъ; постыдился ли бы я преподать ему самыя начальныя въ ученіи правила, сколько можно въ кратчайшее время?

V. По крайней мѣрѣ не могу одобрить обыкновенія заставлять дѣтей затверживать названія и порядокъ буквъ, не показавъ имъ прежде начертанія или вида ихъ. Это мѣшаетъ успѣху; ибо зная наизусть буквы, они меньше вниманія обращаютъ на видъ ихъ, нежели на то, что уже у нихъ въ памяти; по сей причинѣ должны учащіе не всегда показывать имъ буквы въ обы-

кновенномъ азбучномъ, но иногда въ превратномъ порядкѣ, доколѣ учащіеся не станутъ различать ихъ по виду, а не по порядку, равно какъ различаютъ людей и по лицу и по имени. Но въ разсужденіи слоговъ или складовъ, противное наблюдать надобно.

Я не охуждаю однакожъ извѣстнаго способа заохочивать дѣтей къ ученію, т. е. давать имъ вмѣсто игрушки, изъ слоновой кости сдѣланныя буквы: или что нибудь иное къ сему приличное, и чѣмъ ребенокъ могъ бы заняться съ удовольствіемъ.

Когда же начнутъ учиться писать, то не худо бы давать имъ дощечки, съ вырѣзанными на нихъ искусно буквами, дабы по чертамъ, какъ по бороздкамъ, ходило письменное орудіе (stylus); оно бы не скользило, какъ бываетъ на воску, будучи съ обѣихъ сторонъ удерживаемо; и дитя, подражая постояннымъ образомъ, тверже и чище писать научится: тутъ не нужна и помощь учителя, который водилъ бы его рукою. Писать скоро и чисто есть, по истинѣ, дѣло не маловажное, хотя не радятъ о томъ иногда люди, впрочемъ, достойные. Ибо какъ между учеными занятіями письмо составляетъ единственно особенное упражненіе, отъ котораго единственно получается истинный и прочный успѣхъ, то медленность въ семъ дѣлѣ много

вредитъ живости ума, а дурный и неисправный почеркъ затмеваетъ смыслъ: отъ чего родится новый трудъ, т. е. нужно будетъ самому пересказывать снова то, что̀ переписать понадобится. Почему какъ всегда и вездѣ, такъ наипаче въ дружескихъ письменныхъ сношеніяхъ, и особенно какія либо тайны содержащихъ, не надлежитъ пренебрегать чистописанія.

Что касается до слоговъ, нужно ихъ выучивать всѣ безъ изъятія, и не опускать, какъ обыкновенно дѣлается, труднѣйшихъ; подъ тѣмъ предлогомъ, что они сами собою встрѣтятся при писаніи (*). Также не надобно полагаться излишно на память дѣтей: имъ повтореніе принесетъ больше пользы; при чтеніи не торопить ихъ, доколѣ не усмотришь, что точное и беззапиночное соединеніе буквъ дозволяетъ то дѣлать: тогда уже пусть они произносятъ, не опуская ни одного слога, а потомъ и цѣлую рѣчь выговариваютъ. Не вѣроятно, какъ замедляетъ торопливость успѣхи дѣтей въ чтеніи. Отсюда частыя запинанья, остановки, повторенія, если захочетъ дитя произнесть лучше,

(*) Кажется, что у древнихъ былъ обычай учить дѣтей пр жде познавать и произносить буквы, и въ тоже времяписать ихъ: потомъ слоги и цѣлыя реченія читать, и тогдаже ихъ писать.

нежели можетъ; а естьли погрѣшитъ, то родится несмѣлость выговорить и то, чтò уже хорошо знаетъ. Итакъ сперва надлежитъ затвердитъ буквы; потомъ умѣть ихъ соединять между собою, и долгое время читать не спѣшно, доколѣ не пріобрѣтется упражненіемъ безошибочная скорость. Всѣ учатъ смотрѣть вправо, (*) когда читаемъ; это сходно не только съ употребленіемъ, но и съ разсудкомъ; ибо не льзя читать, не смотрѣвши впередъ; а наипаче, надлежало бы иное видѣть, и иное выговаривать; чего сдѣлать безъ крайняго развлеченія вниманія невозможно.

Не худо бы также наблюдать, чтобы ребенку, когда начнетъ, по обыкновенію, списывать слова, не задавать для сего реченій слишкомъ простыхъ и случайно взятыхъ. Ибо можетъ онъ между тѣмъ, какъ пишетъ, знакомиться съ высшимъ и меньше общенароднымъ нарѣчіемъ язы-

---

(*) Извѣстно, что Евреи писали и слѣдовательно читали отъ правой руки къ лѣвой. Сей способъ перешелъ къ Финикіанамъ, а отъ Финикіанъ къ Грекамъ, кои сдѣлали въ томъ нѣкоторую перемѣну; ибо писали они первую строку отъ правой руки къ лѣвой, а вторую отъ лѣвой къ правой, наблюдая всегда тоже порядокъ: что и составляло въ письмѣ ихъ родъ бороздъ, и называлось (*Βουςροφηδὸν γράφειν*) писать бороздами: обычай сей, безъ сомнѣнія, перешелъ къ первымъ Латинамъ; на этомъ и основывается замѣчаніе Квинтиліана.

ка своего, что у Грековъ называется *Glossa*, а чрезъ то, при самомъ начальномъ ученіи, пріобрѣтать знаніе, которое послѣ потребуетъ особеннаго времени. Остановясь на такихъ мѣлочахъ, прибавлю и то, чтобы для прописей давать не пустыя какія нибудь мнѣнія, но чему ни есть доброму наставляющія. Онѣ до старости остаются въ памяти и, запечатлѣвшись въ нѣжномъ сердцѣ, даже на нравы дѣйствуютъ. Полезно также, чтобы между игрою заставлять выучивать наизусть нѣкоторыя изрѣченія знаменитыхъ мужей и избранныя мѣста, особливо изъ стихотворцевъ, съ коими дѣти всего охотнѣе знакомятся. Память крайне нужна Оратору (покажу сіе на своемъ мѣстѣ) и она ничѣмъ такъ не острится и не укрѣпляется, какъ упражненіемъ; и въ такомъ возрастѣ, о коемъ здѣсь говорю, и когда человѣкъ самъ собою ничего еще раждать не въ состояніи, память есть единственное пособіе, которое можетъ облегчать труды учащихъ.

Чтобы у дѣтей языкъ становился развязнѣе и рѣчь выразительнѣе, неизлишне будетъ заставлять ихъ произносить бѣгло (*) такія слова, періоды или стихи, кои изъ многихъ

(*) Какъ то: *perterricrepus*. Аристоф. И старинный стихъ:
Fraxin fixa ferox infesta infunditur offis. Camer.

самыхъ грубыхъ, шороховатыхъ и для выговора трудныхъ слоговъ, нарочно противъ добрюзвучія составленныхъ. Греки называютъ это χαλεπδι. Наставленіе, по видимому, маловажное: но есть-ли пренебречь его, то многіе недостатки въ произношеніи останутся навсегда, ежели въ молодыхъ лѣтахъ отвращены не будутъ.

ГЛАВА II.

ЛУЧШЕ ЛИ УЧИТЬ ДѢТЕЙ ДОМА, ИЛИ ОТДАВАТЬ ВЪ УЧИЛИЩА?

I. Опровергаетъ возраженіе противъ училищъ, доказывая 1) что въ нихъ не портятся нравы: — крайне охуждаетъ гибельную потачку родителей. 2) Что училища не вредятъ успѣхамъ въ ученіи. II. Приводитъ многія причины, по которымъ полезны училища.

Представимъ, что дитя мало помалу подросло и, вышедъ изъ подъ надзора нянекъ, должно быть занято уже настоящимъ, прямымъ ученіемъ. Итакъ здѣсь особенно надлежитъ изслѣдовать вопросъ: полезнѣе ли дома и въ семейственномъ кругу обучать Оратора, или посылать въ училища и поручать попеченію общественныхъ наставниковъ: знаю, что послѣднее средство, и законодатели благоустроенныхъ государствъ, и знаменитые писатели одобряютъ.

I. Не льзя однакожъ умолчать, что нѣкоторые сей почти вообще принятый обычай отвергаютъ. Они основываютъ свое мнѣніе на двухъ причинахъ. 1-е, Что внѣ многолюдства товарищей одного возраста, къ порокамъ весьма наклоннаго, можно легко предохранить нравы отъ разврата. О когда бы симъ средствомъ чаще предотвращать распутства! 2-е, Что учитель, каковъ бы онъ ни былъ, удобнѣе будетъ имѣть болѣе времени заняться однимъ ученикомъ, нежели многими. Первая причина весьма важна: и ежелибы точно дознано было, что въ училищахъ хотя большіе успѣхи пріобрѣтаются, а нравы портятся, то предпочелъ бы я охотно благоповеденіе самому высокому витійству. По мнѣнію моему, одно съ другимъ связано и неразлучно: Ораторомъ быть нельзя, не бывъ честнымъ человѣкомъ: да еслибъ это было возможно, то и тогда я не хотѣлъ бы видѣть сего на самомъ дѣлѣ.

1. Полагаютъ, что нравы портятся въ училищахъ; сіе иногда случается; но они портятся и въ домѣ родительскомъ: многіе примѣры то и другое подтверждаютъ. Врожденныя склонности и направленіе оныхъ составляютъ всю разницу. Ежели дитя отъ природы наклоненъ къ худому, ежели о исправленіи его не приложится попеченіе въ нѣжномъ возрастѣ,

то не менѣе найдетъ случаевъ къ порокамъ и безъ училищныхъ товарищей. Ибо можетъ попасться въ домъ злонравный учитель; можетъ столько же вредить и обращеніе съ развратными служителями, сколько и съ неосторожными и малоскромными соучениками. А ежели дитя имѣетъ доброе сердце, ежели родители чужды слѣпой и непробудной безпечности, то можно найти и добронравнаго учителя, о чемъ наиболѣе пещися заставляетъ благоразуміе, и пріучать питомца строгому порядку; и сверхъ того приставить къ нему умнаго и усерднаго надзирателя, или вѣрнаго отпущенника, коего неотлучное присутствіе воздерживало бы отъ худаго поведенія даже и тѣхъ, коихъ сообщество кажется намъ подозрительно.

Итакъ легко удалить сіе опасеніе. Но, о когда бы не сами мы портили нравы дѣтей нашихъ! Тотчасъ мы сами начинаемъ разслаблять ихъ разными потворствами. Такое нѣжное и потачливое воспитаніе, которое называемъ снисхожденіемъ, всѣ силы тѣла и ума изнуряетъ. Чего не пожелаетъ въ лѣтахъ возмужалыхъ тотъ, кто съ младенчества привыкъ къ нѣгѣ и роскоши? Ребенокъ едва лепетать еще можетъ, а уже умѣетъ различать лакомыя яства, и ихъ требуетъ. Мы печемся прежде всего о усовершенствованіи вкуса въ яствахъ, а не забо-

тимся о томъ, чтобы онъ хорошо говорилъ. Наши дѣти ростутъ въ колыбеляхъ: землѝ касаются не иначе, какъ будучи поддерживаемы со всѣхъ сторонъ руками прислужницъ. Вольныя рѣчи ихъ забавляютъ насъ. Слова, въ самыхъ распутныхъ домахъ нетерпимыя, принимаемъ отъ нихъ со смѣхомъ и поцѣлуями. Чему и дивиться? Мы сами тому ихъ научили; они повторяютъ только отъ насъже слышанное. Всякое пиршество оглашается неблагопристойными пѣснями; о чемъ стыдно бы и говорить, то на дѣлѣ представляемъ глазамъ ихъ. Отсюда родится привычка и послѣ обращается въ природу. Несчастныя дѣти все сіе перенимаютъ, еще и не вѣдая, что это порочно. Итакъ, бывъ испорчены роскошью и нѣгою, таковое зло не отъ училищъ заимствуютъ, а приносятъ въ училища.

2. Говорятъ также, что учитель, имѣя одного у себя ученика, займется имъ гораздо болѣе. Но, во первыхъ, никто не мѣшаетъ опредѣлить особеннаго наставника къ воспитывающемуся въ училищахъ. Да если бы и сдѣлать сего было невозможно, то все лучше предпочесть, по моему мнѣнію, надлежитъ торжественность общественнаго и благоустроеннаго собранія, уединенности и безвѣстности частныхъ домовъ. Ибо всякій хорошій учитель желаетъ имѣть, сколько можно, болѣе слушателей,

и почитаетъ себя достойнымъ обширнѣйшаго поприща. А человѣкъ посредственныхъ способностей, чувствуя свою слабость, не пренебрегаетъ мѣста и въ частномъ домѣ, а иногда и должности приставника. Но положимъ, чтобы кто или по знатности, или по дружбѣ, или по достатку, нашелъ для себя самаго ученаго и превосходнаго учителя: да можетъ ли онъ цѣлый день быть при ученикѣ своемъ? И можетъ ли вниманіе учащагося не утомиться отъ непрестаннаго напряженія, какъ утомляется глазъ отъ непрерывнаго устремленія взора; притомъ же для иныхъ занятій нужно уединеніе. Напримѣръ, при вытверживаніи уроковъ, при письмѣ, при размышленіи, не нужно присутствіе учителя; въ такихъ случаяхъ и учитель и всякій посторонній можетъ служить помѣхою. Также не всякое чтеніе и не всегда требуетъ помощи наставника. А безъ чтенія какъ получить свѣдение о многихъ писателяхъ? Итакъ для назначенія занятій на цѣлый день надобно не много времени: и потому можетъ преподаваемое одному относиться и къ другимъ, въ какомъ бы числѣ они ни были. Есть еще предметы, кои однимъ разомъ всѣмъ вмѣстѣ предлагаемы быть должны. Я не говорю о *задачахъ* (*) для сочи-

(*) *Задачами* (partitiones) называлось раздѣленіе по ученикамъ предложеній, назначаемыхъ учителемъ для сочиненія

ненiй и *декламацiяхъ* риторовъ: сiе, какъ извѣстно, дѣлается равно для одного тѣмъже порядкомъ, какъ и для большаго числа учениковъ. Ибо голосъ учителя не умаляется, какъ снѣдь, отъ числа участвующихъ; но дѣйствуетъ на каждаго, какъ солнце, съ равнымъ свѣтомъ и теплотою. Грамматикъ, когда разсуждаетъ о языкѣ, разрѣшаетъ недоумѣнiя, изъясняетъ стихотворца или историка, также всему тому научаетъ, сколько бы ни было слушающихъ.

Наконецъ возразятъ мнѣ, что при множествѣ учащихся не достанетъ времени пересмотрѣть и поправить упражненiй каждаго. Я не отрицаю сего неудобства; въ чемъ оно не встрѣчается? Сравнимъ только съ нимъ и выгоды. Я и самъ не совѣтую посылать дитя въ такое училище, гдѣ не было бы за нимъ присмотра. Да и благоразумный учитель не обременитъ себя излишнимъ числомъ учениковъ; паче всего надлежитъ стараться сдѣлать его особеннымъ намъ другомъ, дабы онъ въ ученiи руководился не однимъ долгомъ, но и чувствiемъ прiязни къ нашему дому. Такимъ образомъ дитя

декламацiй. А декламацiи (declamationes) суть тѣже самыя, но уже обработанныя, предложенiя, которыя учитель, рачительно исправивъ еще у себя дома, читалъ въ училищѣ, или давалъ списывать.

наше не будетъ забыто во множествѣ. При-томъ же всякой сколько нибудь просвѣщенный наставникъ, замѣтивъ въ ученикѣ прилѣжаніе и способность, обратитъ на него вниманіе и для собственной своей чести. Впрочемъ, хотя бы многолюдныя училища и охуждать надлежало (въ чемъ однакожъ я не совсѣмъ согласенъ, ежели то многолюдство происходитъ отъ достоинства наставника), но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы должно было охуждать всѣ вообще училища. Ибо другое дѣло устраняться ихъ, и другое выбирать.

II. Сказавъ нѣчто въ опровержение неодобряющихъ общественныя училища, предложимъ и наше собственное мнѣніе. И во первыхъ, будущій Ораторъ, предназначаемый для многолюдныхъ собраній, и который имѣетъ жить, какъ предъ лицемъ цѣлой Республики, долженъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ привыкать не страшиться многолюдства, и преодолѣвать ту застѣнчивость, которая отъ уединенной и какъбы затворнической жизни происходитъ. Надобно, чтобъ духъ непрестанно возбуждался и возвышался; вмѣсто того онъ въ уединеніи или слабѣетъ и какъбы во мракѣ остается, или напротивъ суетнымъ самонадѣяніемъ надмѣвается: ибо тотъ, кто себя ни съ кѣмъ не сравниваетъ, по необходимости слишкомъ много о себѣ думаетъ.

А потомъ, когда надобно предъ другими людьми оказать свои знанія, приходитъ онъ въ замѣшательство, и все новое затрудняетъ его, поелику учился въ уединеніи тому, что̀ дѣлать должно въ присутствіи многихъ.

Я не говорю о дѣтскихъ дружественныхъ связяхъ, которыя ненарушимо сохраняются до самой старости, какъ священныя обязательства. Онѣ, безсомнѣнія, должны быть таковыми; ибо съ ученіемъ вмѣстѣ начинаются.

Да и въ обыкновенномъ кругу какъ вести себя, гдѣ научится тотъ, кто устранился отъ общежитія, которое не только людямъ, но даже безсловеснымъ животнымъ свойственно.

Прибавьте, что дома дитя можетъ учиться только тому, чему одного его учатъ; а въ училищѣ узнаетъ и то, чему другихъ учатъ. Каждодневно будетъ слышать, почему иное одобряется, и какъ другое поправляется: и посрамленная лѣность, и похваленное прилѣжаніе въ соученикахъ, обратится ему въ пользу: похвалою возбудится соревнованіе; постыдится уступить равному, почтетъ за славу превзойти старшаго. Все сіе воспламеняетъ ревность къ ученію; честолюбіе хотя порокъ, но часто бываетъ виною добродѣтелей. Я помню, сколь полезенъ былъ для насъ обычай, какой наблюдали наши учители: они, раздѣля учениковъ на раз-

ряды, назначали очередь говорить рѣчь, смотря по способностямъ каждаго; и прежде всѣхъ говорилъ оказавшій болѣе успѣховъ. О семъ составлялись сужденія: каждый старался превзойти другихъ. Быть первымъ въ разрядѣ почиталось между нами великимъ отличіемъ. Но это не навсегда опредѣлялось: при концѣ мѣсяца, каждому вновь давалось право къ состязанію. Такимъ образомъ и въ отличившемся поддерживалась ревность, и въ побѣжденныхъ возбуждалась надежда загладить стыдъ, и получить верхъ въ свою очередь. И сіе, сколько припомнить могу, давало намъ болѣе охоты къ ученію, нежели увѣщанія учителей, бдительность приставниковъ и совѣты родителей.

Но какъ соревнованіе усугубляетъ успѣхи въ старшихъ, такъ въ начинающихъ родится охота подражать болѣе своимъ соученикамъ, нежели наставнику, потому, что первое для нихъ легче. Ибо какъ посмѣть отъ первыхъ началъ, простирать надежду до той степени краснорѣчія, каковое предполагаютъ дѣти въ своемъ учителѣ? Почему и хватаются за ближайшее къ себѣ, какъ виноградныя лозы, къ деревамъ привязанныя, сперва вьются около вѣтвей, а потомъ восходятъ до вершины. Да и самъ учитель, который старается болѣе полезнымъ быть, нежели блистать умомъ, не долженъ

вдругъ обременяшь умовъ незрѣлыхъ и слабыхъ, и оказывашь всего своего знанія, но соразмѣряшь оныя съ понятіемъ учащихся. Какъ небольшіе узкогорлые сосуды мало примутъ въ себя вдругъ плесну пюй жидкости, а мало по малу или по каплямъ низпадаемою наполняются: также надобно судить и объ умахъ дѣтей. Что превосходитъ ихъ понятіе, не войдетъ имъ въ голову, еще мало къ тому расположенную. Итакъ полезно имѣть кого нибудь, кому бы сперва подражать, потомъ его превзойти. Сими-то степенями надѣяться можно со временемъ достигнуть большихъ успѣховъ.

Къ сему прибавлю еще, что и самые учители не могутъ имѣть той силы и живости въ словѣ, предъ однимъ ученикомъ, какими возбуждаются при многолюдномъ собраніи; ибо большая часть витійства состоитъ въ душѣ. Надобно, чтобъ душа поражалась, чтобъ представляла изображенія вещей и превращалась, такъ сказать, въ свойство и виды тѣхъ предметовъ, о коихъ говоримъ. И душа чѣмъ благороднѣе и возвышеннѣе, тѣмъ сильнѣйшихъ къ возбужденію своему требуетъ движителей; и по сему похвалою выше возносится, пріобрѣтаетъ новое усиліе и всегда къ великому стремится. Мы чувствуемъ нѣкое тайное отвращеніе изъявлять предъ однимъ слушателемъ краснорѣчіе,

многими трудами пріобрѣтаемое: даже стыдно бываетъ отступать тогда отъ обыкновенной рѣчи. И въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ человѣка, который бы предъ однимъ ученикомъ своимъ сталъ говорить со всѣми ораторскими дѣйствованіями, голосомъ возвышеннымъ, со внутреннимъ и наружнымъ движеніемъ страсти, со всѣмъ напряженіемъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ: не покажется ли онъ похожимъ на неистовствующаго? Конечно не было бы между людьми краснорѣчія, еслибы всякъ изъ насъ говорилъ только одинъ на одинъ.

ГЛАВА III.

I. Какъ распознавать способности въ дѣтяхъ. II. Какъ съ ними обходиться. III. Объ играхъ дѣтскихъ. IV. Не наказывать дѣтей тѣлесно.

I. Благоразумный наставникъ во первыхъ долженъ узнать свойство ума и склонностей поручаемаго ему отрока. Особенный признакъ ума въ малолѣтнихъ есть *память;* ея дѣйствіе двоякое: скоро понимать, и не забывать, что поняли. Къ сему прибавить надобно *подражаніе:* оно показываетъ остроту и переимчивость; но смотрѣть надлежитъ, чтобъ ребенокъ обращалъ даръ сей на то, чему его учатъ, а не на то, чтобъ живо представлять собою лица, въ коихъ замѣтитъ какіе нибудь недостатки. Я не могу заключать ничего хорошаго о томъ, который таковымъ подражаніемъ только смѣшить старается. Переимчивое дитя должно быть вмѣстѣ и добронравно: а иначе, пусть останется лучше съ умомъ медленнымъ, нежели злымъ. Но я здѣсь подъ именемъ добронравнаго отнюдь не разумѣю ребенка неразвязнаго и во всемъ вялаго. Тотъ, какова я себѣ представляю, безъ

труда долженъ понимать ученіе: дѣлать иногда и вопросы, но чаще слѣдовать за учителемъ, нежели предупреждать его. Быстрые умы, подобно преждевременнымъ плодамъ, почти никогда совершенно не созрѣваютъ. Они познаются изъ того, что малое удобно дѣлаютъ; они смѣлы, тотчасъ оказываютъ, что только сдѣлать въ силахъ; но силы сіи недалеко въ нихъ простираются: они, напримѣръ въ чтеніи, легче разбираютъ слова, произносятъ ихъ смѣло и безъ запинки дѣлаютъ не много, но скоро; тутъ нѣтъ истинной силы, нѣтъ прочнаго основанія; какъ брошенныя на самой поверхности земли сѣмена, скорѣе выходятъ, и, какъ похожія на хлѣбъ травы, прежде жатвы въ пустыхъ своихъ колосьяхъ желтѣютъ. Все это плѣняетъ насъ въ дѣтяхъ; но успѣхъ ихъ на томъ только останавливается, и скоро прежнее удивленіе наше исчезаетъ.

II. Послѣ таковыхъ замѣчаній, надобно смотрѣть, какъ приличнѣе поступать съ учащимися. Иной требуетъ понужденія; другой не терпитъ строгихъ приказаній; тотъ возбуждается страхомъ, а у другаго тѣмъже самымъ отнимается бодрость; иной успѣваетъ отъ постояннаго прилѣжанія, другой отъ повременныхъ порывовъ. Я желалъ бы имѣть такого ученика, который бы и похвалою поощрялся,

и любочестіемъ трогался, и даже плакалъ, когда отстанетъ отъ товарищей. Я не опасаюсь лѣности и нерадѣнія въ томъ, на кого хула и честь равно имѣютъ доброе дѣйствіе.

III. Дѣтямъ, какихъ бы онѣ свойствъ ни были, давать надобно нѣкоторый роздыхъ; не только по тому, что непрерывный трудъ неестественъ, и что даже неодушевленныя вещи сохраняютъ силы свои не иначе, какъ оставаясь на нѣкоторое время въ покоѣ; но и для того, что прилѣжаніе зависитъ отъ доброй воли, которой произвесть принужденіемъ не можно. Такимъ образомъ отдохнувъ, охотнѣе принимаются за ученіе; и умъ, коему свойственна свобода, становится бодрѣе. Я не охуждаю въ дѣтяхъ и игранья; это означаетъ живость ихъ; напротивъ еще не могу надѣяться, чтобъ тотъ задумчивый и всегда угрюмый ребенокъ, который вялъ и въ играхъ, наиболѣе свойственныхъ его возрасту, любилъ ревностно учиться. Однако въ таковыхъ роздыхахъ надобно хранить мѣру или средину, дабы отъ недостатка ихъ не родилась ненависть къ ученію, а отъ излишества привычка къ праздности. Есть также и для изощренія дѣтскихъ умовъ забавы: не безполезно, напримѣръ, дѣлать ученикамъ разные вопросы, на которые старались бы они давать лучшіе другъ передъ другомъ отвѣты. Также и

нравы въ играхъ удобнѣе познаются; нѣтъ возраста, въ коемъ бы доброе и худое такъ скоро перенималось; тогда-то и должно пещися о исправленіи всего дурнаго; ибо дѣти притворяться еще не умѣютъ, и болѣе слушаются наставленій. Скорѣе переломишь, нежели исправишь старое дерево. Итакъ нужно пріучать ребенка, чтобы не дѣлалъ ничего по прихоти, по злости, или съ нерадѣніемъ, и всегда помнить, что привычка, въ малолѣтствѣ снисканная, есть великое дѣло, какъ говоритъ Виргилій.

IV. Я не одобряю обычая наказывать дѣтей тѣлесно, хотя это почти всѣми принято, и Хрисиппомъ не отвергается. Такое наказаніе мнѣ кажется подло и однимъ рабамъ свойственно; и справедливо для всякаго другаго возраста почитается за сущее оскорбленіе. Впрочемъ, дурный ребенокъ, котораго не исправляютъ выговоры, привыкнетъ къ побоямъ и съ рабскимъ упрямствомъ станетъ оттерпливаться. Смѣло скажу, не было бы и нужды прибѣгать къ столь уничижительнымъ мѣрамъ, ежели бы рачительный учитель неопустительно отъ ученика своего требовалъ вѣрнаго отчета въ ученіи. Нынѣ проступки дѣтей, отъ нерадѣнія учителей происходящіе, исправляются, по видимому, не тѣмъ, чтобы стараться обращать ихъ на лучшее, а только чтобъ наказывать, для чего онѣ того

не исполнили. При томъ же, если думаешь розгою, какъ единственнымъ средствомъ, понудить ребенка къ ученію, то какъ поступить съ юношею, коему грозить ею неприлично, а учиться гораздо большему надобно? Прибавьте еще, что при побояхъ, отъ страха или боли, случаются такія непристойности, о которыхъ и говорить не льзя: дитя отъ такого посрамленія приходитъ въ уныніе, скучаетъ и отъ сообщества другихъ удаляется. А когда еще не будетъ обращено вниманія на выборъ приставниковъ и учителей, то стыжусь и упоминать, до какой степени употребляютъ развратные изъ нихъ во зло сіе право сѣченія; и страхъ, коему непрестанно подвержены сіи бѣдные малютки, подаетъ иногда случай и другимъ на тоже покушаться. Но оставимъ; для чего толковать, что ясно? скажемъ только, что не должно позволять никому уничижать сей слабый возрастъ, собственными силами отражать оскорбленія не могущій. — Послѣ сихъ предварительныхъ наставленій, приступимъ къ показанію тѣхъ наукъ, которыя пріуготовляемый нами къ Ораторскому поприщу знать, и въ какихъ лѣтахъ какой изъ нихъ учиться долженъ.

ГЛАВА IV.

О ГРАММАТИКѢ.

I. Похвала Грамматикѣ. II. Три достоинства въ рѣчи: правильность, ясность, красота. III. Слова основываются на причинѣ, давности, образцахъ и употребленіи. IV. О правописаніи.

I. Коль скоро выучится отрокъ читать и писать, тотчасъ надлежитъ занять его Грамматикою; нѣтъ нужды, Греческою или Латинскою: но мнѣ кажется лучше начинать съ Греческой, хотя обѣ ведутъ къ одной цѣли. Итакъ сія наука должна быть кратчайшимъ образомъ раздѣлена на двѣ части: на правильный способъ выражать мысли словомъ, и на чтеніе Стихотворцевъ; она заключаетъ въ себѣ болѣе, нежели съ перваго взгляду представляется. Ибо съ искуствомъ говорить соединено и искуство писать, а знаніе изъяснять Стихотворцевъ предполагаетъ знаніе хорошо и исправно читать: предметы, требующіе осторожнаго разсмотрѣнія.

Древніе Грамматики, при чтеніи книгъ, поступали съ такою строгостію, что не только нѣкоторыя мѣста изъ нихъ отвергали, но и цѣлыя творенія, оказавшіяся по критическому суду несправедливо приписанными какому ни есть сочинителю, отметали, почитали ихъ за подкидышей въ чужомъ семействѣ; иныхъ писателей приводили въ лучшій порядокъ, а другихъ вовсе изъ числа хорошихъ сочинителей исключали. Но для Грамматика недостаточно одного чтенія Стихотворцевъ: ему надобно разсмотрѣть творенія всѣхъ родовъ, не для историческихъ только сказаній, но и для словъ, которыя часто получаютъ значительность и силу свою отъ важности употребившихъ оныя. Сверхъ того, Грамматикъ не можетъ быть совершенъ и безъ нѣкотораго понятія о музыкѣ; ибо онъ долженъ изъяснять *звуки* и *мѣру*. Также, не зная теченія планетъ, не будетъ разумѣть Стихотворцевъ, кои часто говорятъ о восхожденіи и захожденіи свѣтилъ, для означенія временъ года. Надобно быть ему свѣдущу въ Философіи; ибо у нѣкоторыхъ Стихотворцевъ многія мысли заимствованы отъ самаго тонкаго изысканія причинъ естественныхъ; да и Емпедоклъ у Грековъ, Варронъ и Лукрецій у Римлянъ писали стихами о философскихъ предметахъ. Итакъ потребно больше, нежели по-

средственное, краснорѣчіе, чтобъ о всѣхъ показанныхъ предметахъ говорить точно и обильно. Посему можно ли извинить легкомысліе тѣхъ, кои Грамматику почитаютъ наукою пустою и только малостями занимающеюся? Ежели она для будущаго Оратора не положитъ твердаго и надежнаго основанія, то, при всемъ стараніи, замышляемое нами зданіе разрушится. Грамматика нужна для отроковъ, пріятна старикамъ; она есть любимый спутникъ и въ уединеніи; она изъ всѣхъ родовъ упражненій, можетъ быть, одна въ себѣ имѣетъ больше существеннаго, нежели блестящаго. . . .

II. Какъ всякая рѣчь должна имѣть три совершенства, т. е. быть правильна, ясна и красива; ибо говорить кстати, прилично (что совсѣмъ есть дѣло особенное) многіе относятъ къ украшенію: такъ и противуположныхъ пороковъ въ ней быть можетъ столькоже; это покажетъ Грамматика; ибо правила, какъ исправно говорить, составляютъ первую часть оной. . . .

III. Иное наблюдать надобно говорящему, иное пишущему. Рѣчь основывается на причинѣ, старинѣ или давности, образцахъ, употребленіи. Причина берется особенно отъ сходства (analogia), а иногда и отъ словопроизведенія (Etymologia). Старина или давность почтенна по какой-то величественности и по внушенію, такъ

сказать, нѣкоего къ себѣ благоговѣнія. Образцы заимствуются обыкновенно отъ Ораторовъ или Историковъ. Ибо Стихотворцы, часто принуждены будучи покоряться мѣрѣ стиха, ставятъ одно выраженіе вмѣсто другаго; ежели и въ томъ и другомъ случаѣ нѣтъ препятствія въ измѣненіи стопъ; что, кажется, не совсѣмъ правильно, какъ то: *Imo de stirpe recisum:* 12. Aen. 208. и *Aëriae quo congessere palumbes:* 3. Eclog. 69. и *Silice in nuda conni xa retiquit.* 1. Eclog. 15. и проч. Можно подражать иногда и имъ по тому, что судъ отличнѣйшихъ въ краснорѣчіи мужей служитъ вмѣсто причины; слѣдуя знаменитымъ руководителямъ, и погрѣшать не безславно. Употребленіе же есть вѣрнѣйшій указатель: рѣчь должна быть подобна ходячей монетѣ въ цѣломъ обществѣ....

Что же касается до словъ старинныхъ, онѣ не только многими учеными уважаются, но и придаютъ рѣчи нѣкую величественность и не безъ пріятности. Ибо и важность старины въ себѣ имѣютъ; и, вышедъ изъ общаго употребленія, появляются опять въ видѣ привлекательныхъ новостей. Но не должно употреблять ихъ ни слишкомъ часто, ни слишкомъ открыто: ибо нѣтъ ничего несноснѣе пристрастной къ чему-либо привязанности: не брать ихъ отъ временъ самыхъ отдаленныхъ и уже

изъ памяти вышедшихъ, каковы суть: *Topper* (т. е. cito, скоро), *Antigerio* (т. е. valde, очень), *Exantlare, Prosapia;* не заимствовать ихъ также изъ стиховъ, поемыхъ жрецами, и имъ самимъ едва вразумительныхъ. Измѣнять ихъ запрещаетъ набожность: пусть онѣ остаются, какъ вещи священныя. Рѣчь же, въ которой главное достоинство есть ясность, будетъ весьма недостаточна, если безъ толкованія, разумѣть ея нельзя. Итакъ между новыми словами лучше тѣ, кои постарѣе, а между старыми, кои поновѣе.

Тоже наблюдать нужно и при подражаніи образцамъ. Хотя и кажется, что не погрѣшаемъ, употребляя тѣже слова, которыя находимъ у отличныхъ писателей; однако смотрѣть надобно не только на слова, но и на смыслъ, какой онѣ тогда имѣли. Ибо теперь никто изъ насъ не скажетъ и не напишетъ съ Катономъ *Tubircinabundum* и *Lurcabundum* (вмѣсто вдругъ и урывками пожирающаго); ни *hos lodices* съ Полліономъ; ни *gladiola* съ Мессалою; ни *parricidatum* съ Целіемъ; ни *collos* съ Кальвомъ; да они бы и сами въ нынѣшнее время такихъ словъ не употребили.

Итакъ надобно держаться употребленія или обычая. Ибо смѣшно было бы хотѣть говорить такимъ языкомъ, какимъ говорили нѣкогда люди, а не такимъ, какимъ они говорятъ нынѣ. Да и что иное есть старинное нарѣчіе, какъ

не старинное употребленіе? Но здѣсь нужно во первыхъ опредѣлить, что такое называемъ мы употребленіемъ или обычаемъ: Ежели такъ назвать все то, что водится между множайшими, тогда выйдетъ самое опасное правило не только для языка, но (что еще важнѣе) и для нравовъ. И дѣйствительно, откуда бы могло произойти больше добра, если бы только то и было добро, что большему числу нравится. Посему вырывать, для щегольства, на тѣлѣ волосы, носить непристойную прическу, упиваться въ баняхъ, хотя бы это во всемъ городѣ дѣлалось, не есть обыкновеніе; ибо все сіе хулы достойно; но мыться, брить бороду, веселиться пристойнымъ образомъ съ друзьями, вотъ обыкновеніе! Такъ и въ языкѣ, не надобно принимать за правило привычку многихъ къ погрѣшительнымъ выраженіямъ. Я умалчиваю о дурномъ языкѣ простаго народа; часто по всему театру и отъ всего собранія раздаются варварскія восклицанія. И такъ употребленіемъ въ языкѣ назову условіе или согласіе людей ученыхъ, такъ какъ въ поведеніи, условіе добронравныхъ.

IV. Доселѣ показывали мы, какъ говорить должно; теперь скажемъ, что наблюдать при письмѣ нужно. Что Греки называютъ *Орѳографіею*, мы назовемъ искуствомъ писать исправно.... Я совѣтовалъ бы, гдѣ непротивно обще-

принятому обычаю, писать слова такъ, какъ слышатся онѣ въ выговорѣ. Ибо на то изобрѣтены и буквы, чтобъ ими сохранялись звуки, и, какъ нѣкій залогъ, вѣрно передавались читающему. Посему буквы выражать должны то, что сказать мы хотимъ.

Вотъ почти все, что относится къ первымъ двумъ частямъ Грамматики, наставляющимъ правильно говорить и исправно писать! Двухъ же послѣднихъ, то есть, говорить выразительно и красно, хотя не отнимаю отъ Грамматиковъ; но предоставляю себѣ разсуждать пространнѣе объ нихъ тогда, какъ буду предлагать о должностяхъ Ритора.

Здѣсь опять приходитъ на мысль, что нѣкоторые почтутъ наставленія мои за маловажныя и служащія препоною заняться чѣмъ-либо гораздо полезнѣйшимъ. Да я и самъ не полагаю, чтобы надлежало углубляться въ пустыя и только скуку наводящія тонкости; онѣ связываютъ и стѣсняютъ разумъ. Но въ Грамматикѣ вредно только то, что излишно. Цицеронъ развѣ долженъ почитаться уже не столь великимъ Ораторомъ по тому, что и самъ весьма тщательно наблюдалъ правила Грамматики, и отъ сына своего, какъ изъ писемъ его видно, строго требовалъ такойже исправности? Развѣ умалили въ Цицеронѣ силу мыслей и красно-

рѣчія книги, писанныя имъ о сходствѣ словъ? Развѣ Мессала не такъ уже высокъ и блистателенъ въ слогѣ для того, что издалъ нѣсколько сочиненій не о словахъ только, но и о буквахъ? Такія свѣдѣнія не безполезны тому, кто по онымъ, какъ по степенямъ, восходитъ къ высшимъ; а вредятъ тому, кто только что при нихъ остается.

ГЛАВА V.

Какія книги прежде и какъ читать надобно дѣтямъ.

Остается нѣчто сказать о чтеніи: гдѣ отрокъ, читая, долженъ останавливаться, на какомъ мѣстѣ раздѣлять стихъ, гдѣ оканчивать, откуда начинать, когда возвышать или понижать голосъ, что произносить медленнѣе или скорѣе или стремительнѣе, всему этому научить не можно иначе, какъ на самомъ дѣлѣ. Для сего предложу одно правило: надобно, чтобы онъ разумѣлъ, что̀ читаетъ. А впрочемъ, чтеніе должно̀ быть мужественно, твердо, важно, но сопровождаемо нѣкоторою пріятностію; не должно̀ походить на чтеніе прозы; стихи суть родъ музыки, и Стихотворцы сами о себѣ говорятъ, что они *поютъ;* однакожъ не надобно вдаваться, какъ нынѣ дѣлаютъ многіе, въ нѣжные и женоподобные тоны пѣсней. О такомъ чтеніи Цезарь еще въ молодости своей кому-то сказалъ весьма остроумно: *ежели поешь, то худо поешь: а ежели читаешь, то поешь.* Не совѣтовалъ бы я, хотя и многимъ это нравится,

*

рѣчи вводныя, т. е. влагаемыя Стихотворцемъ въ уста вводимыхъ имъ лицъ, произносить голосомъ театральнымъ: однако легкимъ измѣненіемъ онагó надлежитъ отличать ихъ отъ собственныхъ словъ Стихотворца.

Прочее же требуетъ пространнѣйшихъ наставленій. И вопервыхъ надобно, чтобъ дѣти перенимали болѣе то, чтò украшаетъ душу, нежели разумъ; ибо все, чему въ нѣжномъ и неопытномъ возрастѣ научаются, глубже въ умахъ ихъ укореняется. Посему весьма благоразумно заведено, чтобы чтеніе начинать съ Гомера и Виргилія, хотя къ усмотрѣнію истинныхъ красотъ въ нихъ потребенъ разсудокъ гораздо зрѣлѣйшій. Но сему можетъ пособить время; ибо не должно довольствоваться единократнымъ прочтеніемъ ихъ твореній. Между тѣмъ величественность ироическаго стиха возвыситъ умъ и душу, важность предмета придастъ охоты и поселитъ въ сердцахъ самыя превосходныя понятія.

Полезны Трагедіи. Поучительны и Лирики: однако надлежитъ съ разсмотрѣніемъ избирать не только Сочинителей, но и мѣста изъ самыхъ сочиненій. Ибо и Греки во многомъ позволяютъ себѣ излишнюю вольность, да и у Горація есть мѣста, которыя изъяснять, по мнѣнію моему, не годится. Чтожъ касается до Элегіи, которая

вся на любовныхъ произшествіяхъ основана, и до Гендекасиллабы (*), въ коихъ встрѣчаются индѣ и стихи Сотадейскіе (**) (о сихъ и говорить нечего), желалъ бы я вовсе не давать дѣтямъ читать ихъ, если можно; или по крайней мѣрѣ, оставлять до зрѣлѣйшаго возраста. Комедіи весьма много способствуютъ успѣхамъ въ краснорѣчіи; поелику описываютъ разныя лица и свойства человѣческія: объ нихъ скажу на своемъ мѣстѣ. Когда нравы обезопасятся отъ поползновенія, должны онѣ составлять главный предметъ дѣтскаго чтенія. Я говорю особенно о Менандрѣ, не исключая однако и другихъ. И Латинскіе Писатели могутъ принести не мало пользы. Но надобно начинать съ тѣхъ, кои наиболѣе питаютъ разумъ и укрѣпляютъ душу: для прочихъ же, къ умноженію только познаній относящихся, останется еще въ послѣдствіи довольно времени.

Древніе Стихотворцы, даже и Латинскіе, хотя достоинство ихъ бо́льшею частію состоитъ въ умѣ, нежели въ искуствѣ, обогащаютъ выраженіями; въ Трагедіяхъ ихъ можно найти важность, въ Комедіяхъ чистоту языка

(*) Стихи нѣжные и весьма вольные.
(**) Вольные и даже срамные; названіе получили отъ Сотадея, писателя Александрійскихъ стиховъ.

и нѣкій *Аттицизмъ*. У нихъ и расположеніе обдуманнѣе, нежели у многихъ изъ новѣйшихъ, кои всю красоту и силу поставляютъ въ острыхъ изрѣченіяхъ. Благородства и твердости мыслей, безсомнѣнія, надлежитъ искать уже въ древнихъ, когда мы и въ дѣлѣ и въ словѣ во всѣ роды нѣги и пороковъ уклонились. Послѣдуемъ нашимъ великимъ Ораторамъ, кои изъ стиховъ древнихъ Писателей и доказательства и украшенія для рѣчей своихъ заимствовали; это видимъ особенно въ Цицеронѣ, а еще болѣе въ Азиніѣ и другихъ, ближе къ намъ жившихъ; они брали стихи изъ Эннія, Акція, Пакувія, Луцилія, Теренція и иныхъ; сіе происходило не только отъ глубокаго ученія, но и отъ того, чтобъ сладостію Поэзіи польстить уху слушателя, утомленнаго сухими судебными изысканіями. Сверхъ того, такими приводами мнѣній, какъ бы нѣкоторыми свидѣтельствами, подтверждалось ихъ слово. Вотъ что можетъ внушить дѣтямъ любовь къ Стихотворцамъ; послѣдующую за тѣмъ пользу познаютъ возмужавши: ибо охота къ изящнымъ наукамъ и привычка къ чтенію не ограничиваются однѣмъ пребываніемъ учениковъ въ училищѣ, но чрезъ все теченіе жизни продолжаться должны.

Грамматику, когда онъ учитъ читать, не надлежитъ забывать и самыхъ малостей, какъ-

то: заставлять ученика, по преложеніи стиха въ прозу, сказывать себѣ части рѣчи и объяснять свойство разныхъ стопъ: это очень нужно при чтеніи Стихотворцевъ, да и при разборѣ Ораторовъ наблюдать тоже не дурно: показывать ему, что̀ несвойственно, что̀ грубо и что̀ противно общему употребленію въ выраженіи; сіе дѣлать надобно отнюдь не въ охужденіе Писателей, кои мѣрою стиха часто стѣсняются такъ, что самые недостатки ихъ принимаютъ иныя названія, и становятся нѣкоторымъ образомъ извинительными; мы, напр. называемъ такіе недостатки *Метаплазмами* (преложеніе буквъ или слоговъ), *Схематизмами*, *Схемами*, и тѣмъ самую нужду, какъ нѣкое достоинство, одобряемъ; сіе дѣлать должно, говорю, отнюдь не въ охужденіе Писателей, а для того, чтобъ показать ученику, что это суть вольности только піитическія, и, можетъ быть, отъ другихъ Авторовъ заимствованныя.

Не безполезно въ тоже время вразумлять его въ разныя знаменованія словъ. Не меньше принадлежитъ къ должности Грамматика изъяснять реченія мало употребительныя. Съ особеннымъ же тщаніемъ покажетъ ему всѣ тропы, кои не только стихамъ, но и прозѣ придаютъ великую красоту: и наконецъ схемы (виды, образы) фигуры *реченій* и *предложеній*, какъ мы

обыкновенно ихъ называемъ. О тропахъ и фигурахъ предложу пространнѣе тамъ, гдѣ буду говорить о украшеніи рѣчи.

Учитель особенно долженъ стараться внушать, въ чемъ состоитъ изящество расположенія, въ чемъ достоинство содержанія въ какомъ либо твореніи; что̀ какому лицу свойственно; что̀ достойно похвалы въ мысляхъ, что̀ въ выраженіяхъ; гдѣ прилично обиліе, гдѣ краткость.

Къ сему прибавить нужно историческія и баснословныя объясненія; однакожъ въ излишнія и для памяти обременительныя подробности входить не надобно. Достаточно будетъ, ежели изложить имъ то, что̀ отличными Писателями принято, или по крайней мѣрѣ, упомянуто. Набивать ребенку голову всѣмъ тѣмъ, что̀ написано самыми презрѣнными вралями, значило бы въ учителѣ малоуміе, или пустое оказательство учености; это въ упрокѣ подавитъ разсудокъ и отниметъ время, которое употребить можно на лучшее. Ибо кто въ недостойные чтенія расказы вникаетъ, тотъ и къ бабьему вранью привыкнетъ. Такими однакожъ нелѣпостями наполнены замѣчанія нѣкоторыхъ Грамматиковъ, кои сами приложить къ нимъ основательнаго толку не въ состояніи. Всѣмъ извѣстно, что случилось съ Дидимомъ, который написалъ великое множество книгъ въ подобномъ вкусѣ.

Когда отвергалъ онъ нѣкоторое событіе, какъ ложное и несшаточное, представили ему собственную его книгу, въ коей именно помѣщено оное. И особенно въ баснословныхъ сочиненіяхъ доходитъ сіе до посмѣянія, и даже до безстыдства: всякій враль принимаетъ дерзость до такой степени, что на цѣлыя книги и на Писателей лжетъ безсовѣстно; поелику не боится, чтобъ, для повѣрки, нашлись книги, которыхъ никогда не бывало на свѣтѣ. Ибо въ противномъ случаѣ ложь весьма часто обличается отъ любопытныхъ. Изъ сего я заключаю, что для достоинства Грамматика потребно и не знать инаго.

ГЛАВА VI.

О первыхъ упражненіяхъ въ сочиненіи подъ руководствомъ Грамматика.

Вотъ двѣ части, принадлежащія къ должности Грамматика, т. е. показаніе правильности въ языкѣ, и чтеніе Писателей; одна изъ нихъ называется Грамматическою, другая Историческою. Прибавимъ нѣсколько и другихъ упражненій для занятія дѣтей на то время, когда онѣ, по лѣтамъ своимъ, не могутъ еще принимать наставленій отъ Ритора. И вопервыхъ, по мнѣнію моему, не безполезно заставлять ихъ Езоповы басни, которыми сказки нянекъ должны тотчасъ замѣниться, пересказывать въ выраженіяхъ чистыхъ и приличныхъ предметамъ: потомъ тѣже басни, такимъ образомъ пересказанныя, класть на письмо уже съ бо́льшимъ тщаніемъ и точностію. Также не худо сперва разлагать стихи въ прозу, изъяснять ихъ другими словами; послѣ давать имъ смѣлый оборотъ съ пристойною краткостію, и украшать, не отступая однако отъ смысла Стихотворца.

Такой способъ упражненій, правда, и для искусныхъ учителей затруднителенъ; но если удачно показанъ будетъ, то и къ дальнѣйшимъ въ ученіи успѣхамъ путь откроетъ. Равно съ должнымъ объясненіемъ обработывать *изрѣченія* или *мнѣнія* знаменитыхъ мужей, сочинять *Хріи* (*) и *Эѳологіи* относится къ обязанности Грамматиковъ; поелику все то основывается на чтеніи Писателей. Хріи и Эѳологіи составляются почти одинакимъ образомъ, но въ видѣ различны. Мнѣніе есть общая истина, словами произнесенная: Эѳологія до лицъ касается: Хріи же раздѣляются на многіе роды. Одинъ родъ походитъ на *мнѣніе*, просто выраженное, какъ-то: *онъ сказалъ;* или *онъ говаривалъ.* Другой состоитъ въ отвѣтѣ: *когда его спросили*, или *когда ему это было сказано, онъ отвѣчалъ.* Третій отъ сего немного разнится; хотя кто и ничего не сказалъ, но что ни есть сдѣлалъ (полагается, что и въ дѣйствіи находится Хрія), какъ-то: *Кратесъ, увидѣвъ глупаго мальчика, побилъ учителя его.* И послѣдній почти такойже, однако называется не Хріею, а χρειῶδεν; какъ: *Милонъ, привыкнувъ*

(*) *Хрія* есть приводъ достопамятнаго слова или дѣйствія, или того и другаго вмѣстѣ, къ одному лицу относящагося. *Эѳологія* есть родъ Хріи, гдѣ показываются чьи-либо нравы.

носить теленка на плечахъ, носилъ потомъ быка (*). Во всѣхъ сихъ Хріяхъ, какъ склоненіе чрезъ тѣже падежи продолжать, такъ и приводимыя изрѣченія и дѣянія тѣмъже порядкомъ изъяснять можно. На мѣлочныхъ расказахъ стихотворческихъ останавливаться почитаю за нужное только для свѣдѣнія, а не для наставленія въ краснорѣчіи. Латинскіе Риторы, бросивъ еще много гораздо важнѣйшаго, предоставили то попеченію Грамматиковъ. Греки лучше знали и предметы своихъ трудовъ и цѣль своихъ обязанностей.

(*) Всѣ сіи Хріи имѣютъ почти одинакую форму или видъ, и тѣмиже падежами начинаются. А Грамматики наблюдаютъ склоненіе чрезъ всѣ падежи. *М Катонъ сказалъ, что корень ученія горекъ, плодъ же сладокъ. М. Катона было мнѣніе*, и проч. *М. Катону приписывается изрѣченіе, что*, и проч.

ГЛАВА VII.

Разныя науки знать должно дѣтямъ, еще прежде Риторики. Нужны ли тѣ науки будущему Оратору?

Я говорилъ здѣсь о Грамматикѣ весьма кратко, минуя всѣ подробности, которымъ бы и конца не было: я хотѣлъ показать самое нужнѣйшее. Теперь скажу нѣчто о прочихъ наукахъ, которыя знать надобно отрокамъ, прежде нежели станутъ обучаться Риторикѣ, дабы составить кругъ ученія, у Грековъ *Энциклопедіею* называемый. Ибо есть знанія, къ пріобрѣтенію которыхъ въ одно и тоже время приступать надлежитъ. Поелику онѣ сами составляютъ особенную науку, и безъ нихъ успѣть въ краснорѣчіи не можно, да и онѣ однѣ не дѣлаютъ Оратора совершеннымъ; то и спрашивается, потребны ли онѣ для нашего намѣренія? Ибо, когда говоримъ въ судѣ въ чье либо защищеніе, или подаемъ мнѣніе, на что, кажется многимъ, знать, какимъ образомъ на данной чертѣ составляется равносторонній треугольникъ? Лучше ли будетъ защищать обвиняемаго, и скорѣе ли склонитъ на

свою сторону при совѣщаніи тотъ, кто умѣетъ поимянно отличать звуки и разстановки гитары? И приведутъ, можетъ быть, въ примѣръ многихъ достойныхъ Ораторовъ, кои не учились Геометріи, и не упражнялись въ музыкѣ иначе, какъ только для своего иногда удовольствія.

Таковымъ я вопервыхъ отвѣтствую, что мы, какъ и Цицеронъ на многихъ мѣстахъ, пиша къ Бруту, изъясняется, хотимъ произвесть Оратора не на образецъ нынѣ существующаго или когда-либо бывшаго Витіи: но предположили себѣ въ умѣ такого, который бы во всемъ былъ совершенъ. Ибо и тѣ, кои хотятъ произвесть совершеннаго мудреца, и, какъ говорятъ они, человѣка богоподобнаго, не только преподаютъ ему свѣдѣнія о вещахъ земныхъ и небесныхъ, но ведутъ его къ той цѣли чрезъ самыя маловажныя познанія, какъ-то: чрезъ хитрыя обоюдословія Софистовъ, не потому, чтобы, посредствомъ оныхъ, можно сдѣлать мудреца, но для того, чтобъ ни въ чемъ не подвергался онъ обману. Такъ и Оратора, коему равно нужна мудрость, ни Геометрія, ни музыка и прочія, по видимому, постороннія науки не сдѣлаютъ совершеннымъ, но принесутъ ему весьма много пользы. Развѣ не знаемъ, что противоядіе и другія лѣкарства, коими болѣзни врачуются, составляются изъ разныхъ веществъ, кои, бывъ взяты порознь, производятъ против-

ныя дѣйствія, а въ смѣшеніи, хотя оное ни на одну изъ нихъ часть не походитъ, получается отъ каждой собственная ея цѣлебная сила? Развѣ не видимъ, какъ безсловесныя животныя изъ разнаго рода цвѣтовъ и соковъ составляютъ неподражаемую для человѣческаго искуства сладость? И мы станемъ удивляться, что слово, сей даръ неоцѣненный, Промысломъ человѣку данный, требуетъ многихъ наукъ, которыя хотя не видны въ рѣчи, и не оказываются явно, однако сообщаютъ ей сокровенную нѣкую силу, и даютъ себя чувствовать непримѣтнымъ образомъ? Были, правда, люди краснорѣчивые и безъ сихъ наукъ: но я хочу произвести великаго Оратора; онѣ не много прибавляютъ; но тотъ не будетъ великимъ, въ комъ хотя малаго недостанетъ: а въ семъ-то и состоитъ высшая степень совершенства. Сколь ни сомнительна надежда успѣть въ томъ, но постараемся изложить все нужное, дабы сдѣлать по крайней мѣрѣ правила наши полнѣе; да для чего и отчаяваться? Природа не мѣшаетъ быть совершеннымъ Ораторомъ: низко и постыдно не надѣяться достигнуть возможнаго.

ГЛАВА VIII.

О музыкѣ. Польза отъ нея.

Я могъ бы здѣсь довольствоваться сужденіемъ Древнихъ. Ибо кто не знаетъ, что Музыка (начну съ нея) съ самой глубокой древности была не только въ употребленіи, но и въ особенномъ почтеніи, такъ что упражнявшіеся въ оной почитались вдохновенными и мудрецами? О многихъ умалчиваю: скажу только объ Орфеѣ и Линѣ; обоимъ приписываютъ божественное происхожденіе; а объ одномъ изъ нихъ расказываютъ, яко бы самые грубые и невѣжественные умы поражалъ удивленіемъ, не только звѣрей, но даже древа и камни плясать заставлялъ. И Тимагенъ свидѣтельствуетъ, что изъ всѣхъ наукъ и искуствъ всѣхъ древнѣе Музыка. Доказываютъ то знатнѣйшіе стихотворцы, кои упоминаютъ, что на царскихъ пиршествахъ похвалы героямъ и богамъ, при звукахъ лиры, воспѣвались. Виргиліевъ Іопасъ не воспѣваетъ ли (*) (*блуждающую луну и неутомимое теченіе солнца*)?

(*) Errantem Lunam, Solisque labores, etc.

чѣмъ явно доказываетъ знаменитый Стихотворецъ, что Музыка имѣетъ связь съ познаніемъ вещей божественныхъ. Если же такъ, то она нужна и Оратору: и хотя часть сія, т. е. познаніе вещей божественныхъ, оставленная (какъ мы сказали) Ораторами, захвачена Философами, но не менѣе и намъ, сколько и имъ, принадлежитъ, и краснорѣчіе не можетъ быть совершенно безъ таковыхъ знаній.

Кто усумнится, чтобы прославившіеся мудростію мужи не уважали Музыки, когда Пиѳагоръ и его послѣдователи, конечно по принятому издревле мнѣнію, утверждали, что и самъ міръ не иначе сотворенъ, какъ посредствомъ пріятнаго созвучія, коему въ послѣдствіи лира подражать стала; и не довольствуясь еще согласіемъ разнородныхъ существъ, которое называютъ они *Гармоніею*, придавали особенные звуки движеніямъ тѣлъ. Платонъ въ нѣкоторыхъ своихъ твореніяхъ, особливо въ Тимеѣ, вразумителенъ быть не можетъ, какъ только для тѣхъ, коимъ сіе искуство довольно свѣдомо. Да и что говорить о Философахъ, когда глава ихъ Сократъ не стыдился учиться Музыкѣ даже въ старости? Самые величайшіе полководцы, какъ извѣстно изъ преданій, играли на разныхъ орудіяхъ, и войска Лакедемонскія нѣкоторыми мусикійскими звуками къ бою возбуждались.

На какое другое употребленіе сдѣланы роги и трубы въ нашихъ легіонахъ? Чѣмъ сильнѣе звуки ихъ, тѣмъ громче воинская слава Римлянъ. Итакъ Платонъ не безъ основанія думалъ, что государственному человѣку, каковаго называемъ *политикомъ*, также нужна Музыка. И начальники такой секты, которая инымъ весьма строгою, другимъ жестокою кажется, были того мнѣнія, что нѣкоторымъ изъ ихъ мудрецовъ не худо было бы обратить вниманіе и на сію часть ученія. Ликургъ, издатель жестокихъ законовъ Лакедемонскихъ, одобрялъ также упражненіе въ Музыкѣ. Да и сама природа, кажется, дала ее намъ, какъ въ даръ, для удобнѣйшаго трудовъ перенесенія Посмотримъ на гребцовъ, какъ возбуждаетъ ихъ пѣніе; видимъ это не только въ такихъ трудахъ, въ которыхъ усиліе многихъ, при слышаніи перваго пріятнаго голоса, стремится къ одной цѣли; но и въ уединеніи каждый скуку и трудъ свой облегчаетъ какимъ ни есть, хотя нескладнымъ напѣвомъ.

По видимому, доселѣ я хвалю прекраснѣйшее искуство, а не говорю, какую связь имѣетъ оно съ краснорѣчіемъ. Итакъ умолчимъ, что нѣкогда Грамматика и Музыка были не раздѣльны. Архита и Аристоксенъ думали даже, что Грамматика составляла часть Музыки, и что одни и тѣже учители преподавали обѣ сіи науки, какъ

свидѣтельствуетъ Софронъ, писатель, правда, шуточныхъ твореній, но коего Платонъ такъ уважалъ, что по смерти его нашли, сказываютъ, у него подъ изголовьемъ сочиненія Софрона. Евполисъ тоже утверждаетъ: у него Продамъ и Музыкѣ и словеснымъ наукамъ учитъ; онъже упоминаетъ о нѣкоемъ Иперболѣ, прозванномъ Марикою, который признается, что онъ въ музыкѣ, кромѣ Грамматики, ничего не знаетъ. Аристофанъ на многихъ мѣстахъ говоритъ, что былъ точно такой обычай у Древнихъ воспитывать дѣтей. И у Менандра въ Гиполимеѣ, когда одинъ отецъ пришелъ требовать обратно сына своего отъ учителя, то сей въ число расходовъ, на воспитаніе его употребленныхъ, включилъ и плату учителямъ Музыки и Геометріи. Отсюда также обычай, что послѣ стола на пиршествахъ подносилась каждому изъ гостей лира; и когда Ѳемистоклъ признался, что играть не умѣетъ, то почтенъ былъ, какъ говоритъ Цицеронъ, за человѣка невоспитаннаго. Да и у древнихъ Римлянъ празднества не обходились безъ мусикійскихъ орудій. Еще и нынѣ поются стихи жрецовъ Салійскихъ. Какъ все сіе установлено отъ Нумы царя, то и видно, что и они при всей своей грубости и воинственномъ духѣ, упражнялись въ Музыкѣ, сколько позволяло тогдашнее невѣжественное время. Наконецъ у Гре-

ковъ даже въ пословицу вошло: *не ученые не знакомы ни съ Музами ни съ Граціями.*

Теперь разсмотримъ, какую пользу отъ сего искусства получаетъ собственно Ораторъ будущій. Размѣръ въ Музыкѣ двойственъ: въ голосѣ и въ тѣлодвиженіи. Въ томъ и другомъ потребна мѣра. Аристоксенъ, превосходный учитель Музыки, раздѣляетъ голосъ на рифму и мѣрные звуки; однѣ состоятъ въ подборѣ рѣчей, а другіе въ пѣніи и звукахъ. Не ужели все это не нужно Оратору? Одно относится къ тѣлодвиженію, другое къ расположенію словъ, третіе къ измѣненію голоса; что все также необходимо для Оратора. Если бы только въ стихахъ и пѣсняхъ требовалось нѣкоторое извѣстное расположеніе словъ и пріятное соединеніе звуковъ, то для Оратора было бы все то излишно. Но и въ рѣчи также, какъ въ музыкѣ, порядокъ и звуки располагаются, смотря по предметамъ. Предметы величественные поются возвышеннѣе, пріятные нѣжнѣе, средніе плавнѣе: для сего потребно приличіе и голоса и рѣчей: музыка во всемъ сообразуется со страстями, какія выразить хотимъ. Равно и у Оратора напряженіе, пониженіе и другія различныя измѣненія голоса должны быть направляемы къ возбужденію страстей въ слушателяхъ: иными словами и голосомъ внушаемъ судьѣ негодованіе,

иными сострадание; ежели мусикійскія орудія, не могущія явственно произносить рѣчи человѣческой, производятъ въ насъ разныя впечатлѣнія, то Ораторъ, позаимствовавъ нѣкоторыя пособія отъ Музыки, можетъ на умы еще болѣе дѣйствовать. Тѣлодвиженіе (*) также должно быть благопристойное, непринужденное; и этому навыкаемъ не иначе какъ отъ Музыки; а поелику отъ того много зависитъ достоинство Оратора, то непреминемъ говорить о семъ особенно, на своемъ мѣстѣ. Если же Ораторъ прежде всего долженъ стараться о своемъ голосѣ, то можетъ ли что болѣе сего принадлежать музыкѣ? Да не подумаетъ кто, что я хочу доказать сіе однимъ примѣромъ К. Гракха, знаменитаго въ свое время витіи, которому, когда говорилъ онъ къ народу, стоявшій позади его музыкантъ съ флейтою, называемою *Τονάριον*, давалъ знать, гдѣ надлежало повышать или понижать голосъ. Такую предосторожность бралъ онъ, когда произносилъ самыя мятежническія рѣчи, и когда устрашалъ вельможъ, или самъ ихъ страшился.

Нѣкоторыхъ грубыхъ и упорныхъ невѣждъ еще попытаюсь убѣдить о пользѣ сего искусства.

(*) Ибо о голосѣ будетъ говорено въ Кн. II гл. 3.

Они конечно согласятся, что будущему Оратору нужно читать Стихотворцевъ. Стихотворство развѣ чуждо Музыкѣ? Ежели есть кто такъ малосвѣдущъ, что о всѣхъ родахъ Стихотвореній сказать этаго не допуститъ, то по крайней мѣрѣ признается, что лирическихъ читать не можно безъ музыки. Я болѣе распространился бы о семъ предметѣ, ежели бы вводилъ нѣчто новое. Когда же издревле, отъ Хирона и Ахиллеса даже до нашихъ временъ, у всѣхъ любителей правильнаго ученія водилось оное, то не стану входить въ дальнѣйшія доказательства, дабы усильнымъ защищеніемъ не сдѣлать истины сомнительною.

Хотя приведенные мною примѣры довольно уже показываютъ, какую Музыку, и притомъ до какой степени я одобряю; однако почитаю за нужное объясниться еще открытѣе. Я отнюдь не хочу того театральнаго женоподобнаго и сладострастнаго пѣнія, которое нынѣ и остатокъ прежней нравственности въ насъ истребляетъ; я хочу того мужественнаго пѣнія, которымъ доблести другихъ устами доблестныхъ же мужей прославлялись. Не хочу мусикійскихъ орудій, на порочные помыслы возбуждающихъ и которыя у всякаго благовоспитаннаго человѣка должны быть въ омерзѣніи; я одобряю только знаніе того искуства, которое къ благонамѣрен-

ному возбужденію и укрощенію страстей наиболѣе способствуетъ. Пиѳагоръ, какъ сказываютъ, увидѣвъ буйную толпу юношей, устремившихся вломиться въ честный домъ съ непотребнымъ намѣреніемъ, привелъ въ разсудокъ только тѣмъ, что приказалъ флейщицѣ, бывшей съ ними, перемѣнить въ игрѣ нѣжные тоны на голосъ медленный и важный. Хрисиппъ назначалъ даже кормилицамъ пѣть особливыя при качаніи дѣтей пѣсенки. Для сочиненія *Декламацій*, вмѣсто обыкновенной темы, довольно замысловато выведенъ случай, въ которомъ предполагается, будто бы одинъ музыкантъ, который заигралъ (*) Фригійскую пѣсню въ то время, какъ нѣкто приносилъ жертву, обвиняется въ смертоубивствѣ, потому что приносившій жертву тогда же лишился ума и бросился въ пропасть. Итакъ, ежели Ораторъ не можетъ быть совершенъ безъ знанія музыки, то почему и самый предубѣжденный противъ искуства сего не почтетъ онаго принадлежащимъ къ нашему намѣренію?

(*) Роллень, издатель Риторики Квинтиліана, подозрѣваетъ, что Авторъ страстно любилъ музыку; почему и распространился объ ней болѣе надлежащаго.

ГЛАВА IX.

О ГЕОМЕТРІИ.

Иные Геометрію почитаютъ для дѣтей полезною тѣмъ, что приводитъ въ дѣятельность умъ, изощряетъ его, и слѣдовательно дѣлаетъ способнѣйшимъ понимать вещи: но при семъ полагаютъ, что она полезна не такъ, какъ прочія науки, по ихъ изученіи, а когда только еще учатся ей. Такое мнѣніе прилично одному простонародію: ибо самые великіе мужи, конечно не безъ причины, съ неослабнымъ прилѣжаніемъ занимались сею наукою. Геометрія объемлетъ два предмета: числа и фигуры: знаніе первыхъ потребно не только Оратору, но всякому даже и начинающему учиться. Въ судебныхъ же рѣчахъ тотчасъ почтется Ораторъ за невѣжду, если, не говорю уже, въ большихъ вычисленіяхъ затруднится, но считая по пальцамъ, какимъ ни есть нетвердымъ и непристойнымъ движеніемъ оныхъ отъ надлежащаго вывода числъ отступитъ. А что касается до линейныхъ измѣреній, то и онѣ часто входятъ въ судопроизводство: ибо много споровъ бываетъ и о межахъ и о мѣ-

рахъ. Но наука сія имѣетъ еще и другую гораздо важнѣйшую связь съ риторскимъ искусствомъ.

И вопервыхъ, нуженъ порядокъ въ Геометріи; не нуженъ ли онъ и въ краснорѣчіи? Геометрія предыдущимъ доказываетъ послѣдующее, и извѣстнымъ неизвѣстное; не тоже ли и Ораторы дѣлаютъ? Онъ, въ рѣшеніи задачъ, не основывается ли почти на однихъ силлогизмахъ? По сему многіе находятъ, что она имѣетъ больше сходства съ Діалектикою, нежели съ Риторикою. Но и Ораторъ, хотя не часто, однако прибѣгаетъ иногда къ Діалектикѣ въ своихъ доказательствахъ. Ибо, въ случаѣ нужды, употребляетъ онъ и Силлогизмы, или, покрайней мѣрѣ, Энтимему, которая есть Силлогизмъ собственно риторическій. Наконецъ, самые сильные доводы называются обыкновенно Геометрическими доказательствами. Что же болѣе потребно и въ рѣчи, какъ не доказательства?

Геометрія даже въ правдоподобныхъ случаяхъ показываетъ, что̀ есть въ нихъ ложнаго. Сіе бываетъ въ числахъ особенно, и называется *Pseudographia:* и это служило намъ въ дѣтствѣ забавою. Но есть и другіе важнѣйшіе случаи. Напримѣръ, кто почелъ бы ложнымъ слѣдующее предложеніе: *всѣ пространства, имѣющія одинакую окружность, равны суть между собою?* Но это ложно; ибо здѣсь нужно знать, какую фор-

му или видъ имѣетъ сія окружность; и Геометры справедливо осуждаютъ Историковъ, кои думали, что величина острововъ довольно уже опредѣляется однимъ объѣздомъ вокругъ ихъ на кораблѣ. И дѣйствительно, форма чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ болѣе пространства въ себѣ содержитъ. Почему, если окружность дѣлаетъ кругъ, который изъ всѣхъ чертежей есть самая совершеннѣйшая фигура, то содержитъ больше пространства, нежели равностороннiй четвероугольникъ. По тойже причинѣ четвероугольники пространнѣе треугольниковъ, и самые треугольники равносторонніе пространнѣе треугольниковъ же неравностороннихъ. Но это, можетъ быть, не для всѣхъ довольно ясно; возмемъ примѣръ, который бы всякому былъ вразумителенъ. Кто не знаетъ, что десятина земли содержитъ мѣры въ длину двѣсти сорокъ футовъ, а въ ширину половинное число? Посему легко исчислить, какая ея окружность, и сколько занимаетъ она плоскости. Но сто восемьдесятъ футовъ въ каждую сторону дѣлаютъ окружность равную окружности десятины, однако будетъ содержать гораздо бо́льшее пространство земли, между четырьмя чертами заключенной. Если кто не захочетъ заняться дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ, тотъ можетъ увѣриться небольшимъ количествомъ числъ: ибо

четвероугольникъ, коего каждая сторона будетъ въ десять футовъ, имѣетъ сорокъ въ окружности, и сто квадратныхъ плоскости. А ежели положить пятнадцать футовъ въ длину и пять въ ширину, то окружность выдетъ таже, но заключающееся въ ней пространство уменшится четвертою долею. Если же длинный четвероугольникъ имѣетъ девятнадцать футовъ въ длину и одинъ въ ширину, то окружность его все еще будетъ въ сорокъ футовъ, какъ окружность совершеннаго четвероугольника, коего плоскость будетъ содержать футовъ не болѣе, какъ сколько ихъ въ длину; такимъ образомъ столькоже отойдетъ плоскости, сколько убавится вида въ четвероугольникѣ. Слѣдовательно быть можетъ, что въ бо́льшей окружности заключается меньшее пространство. Это на ровныхъ мѣстахъ. Ибо на горахъ и въ долинахъ представляется каждому болѣе пространства.

Геометрія возносится даже до устроенія міра: она, научая исчислять опредѣленное и извѣстное теченіе тѣлъ небесныхъ, показываетъ намъ, что нѣтъ ничего случайнаго и внѣ своего порядка; а это иногда и Оратору знать нужно. Периклъ не успокоилъ ли Аѳинянъ, устрашенныхъ затмѣніемъ солнца, изъяснивъ имъ причины сего случая? Сулпицій Галлъ напередъ предсказалъ въ войскѣ Л. Павла, о затмѣніи луны,

дабы воины не поразились страхомъ отъ сего явленія, какъ необыкновеннаго чуда: не представляли ли они оба здѣсь лице Оратора? Еслибы Никій имѣлъ подобныя свѣдѣнія, то не потерялъ бы прекраснаго Аѳинскаго войска въ Сициліи, бывъ пораженъ таковымъже явленіемъ. Діонъ, имѣвшій болѣе просвѣщенія, ни мало не устрашился подобнагоже случая, когда пришелъ туда изгнать Діонисія Тиранна. Пусть примѣры сіи относятся только къ военнымъ обстоятельствамъ; умолчимъ и о томъ, что Архимедъ одинъ продлилъ осаду Сиракузъ на немалое время. По крайней мѣрѣ не льзя не согласиться со мною, что есть весьма много случаевъ, гдѣ, безъ Геометрическихъ доказательствъ, трудно инымъ способомъ дать объясненіе, какъ-то при раздѣленіи, сѣченіяхъ безконечныхъ, поспѣшномъ умноженіи; такъ что, ежели Ораторъ долженъ говорить убѣдительно о всякомъ предметѣ (это доказать постараемся въ слѣдующей книгѣ), то онъ, безъ знанія Геометріи, ни коимъ образомъ не можетъ заслужить сего имени.

ГЛАВА Х.

I. Произношенію надобно нѣсколько поучиться у комедіантовъ. II. Тѣлодвиженія перенимать отъ борцовъ.

I. Не худо произношенію поучиться и у комедіанта, но не болѣе, какъ сколько нужно для будущаго Оратора. Ибо я не хочу, чтобъ отрокъ, къ сему приготовляемый, привыкъ произносить слова или тонкимъ женскимъ, или дрожащимъ голосомъ старика: чтобъ передражнивалъ пьяныхъ, или бы представлялъ изъ себя подлаго шута; а еще менѣе долженъ учиться выражать страсти влюбленнаго, скупаго, робкаго: все сіе не только не нужно для Оратора, но можетъ еще заразить юное непорочное сердце. Ибо частое подражаніе обращается въ привычку. Не во всякомъ движеніи тѣла надобно снимать образецъ съ комедіантовъ. Хотя Ораторъ и долженъ подражать имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но всячески стараться избѣгать теа-

тральныхъ пріемовъ; остерегаться, чтобъ ни въ лицѣ, ни въ рукахъ, ни въ походкѣ ничего не было безъ мѣры. Главное въ Ораторѣ искуство состоитъ въ томъ, чтобы не дать примѣтить искуства.

Что же дѣлать въ такомъ случаѣ долженъ учитель? Вопервыхъ, исправлять недостатки въ произношеніи: чтобъ слова выговаривалъ ребенокъ явственно, чтобъ каждой буквѣ давалъ свойственный ей звукъ. Есть буквы, которыя мы или очень слабо, или очень крѣпко произносимъ; иныя недовольно твердо, и перемѣняемъ ихъ на другія мягчайшія, [redacted] съ ними сродство имѣющія; какъ-то: вмѣсто буквы ρ, которую и Демосѳенъ съ трудомъ произносилъ, слышится у насъ λ, какъ въ Латинскомъ, такъ и въ Греческомъ языкѣ; также c и t умягченно превращаются въ g и d. Равно не долженъ учитель терпѣть, чтобъ буква s часто [redacted] съ нѣкоторымъ жеманствомъ была слышима; наблюдать, чтобъ слова выговариваемы были не гортанью, и въ пустотѣ рта отзывались: а особливо чистота рѣчи требуетъ, чтобъ простаго слова не произносить голосомъ полнымъ [redacted] важнымъ; у Грековъ называется это *катапепласме́нонъ*, отъ [redacted] игры на такой флейтѣ, у коей затыкаютъ скважины, звукъ издающія, чтобъ оный, исходя прямымъ путемъ, дѣлался сильнѣе.

Еще долженъ онъ стараться; чтобъ дѣти договаривали послѣдніе слоги; чтобъ рѣчь была ровная; когда надобно возвысить голосъ, то, чтобъ сіе возношеніе происходило отъ силы груди, а не отъ напряженія головы; чтобъ тѣлодвиженіе съ голосомъ, а видъ лица съ тѣлодвиженіемъ сообразовались. (Еще надобно наблюдать, чтобъ говорящій смотрѣлъ прямо, не кривлялъ рта, чтобъ слишкомъ не открывалъ его, не смотрѣлъ вверхъ, не потуплялъ глазъ въ землю, не вертѣлъ бы головою. Лице во многихъ случаяхъ портитъ дѣйствіе.) Я видалъ, какъ у многихъ подымались брови при каждомъ напряженіи голоса, у другихъ стягивались, у иныхъ такъ расходились, что одна вверхъ подымалась, а другая глазъ почти закрывала. Однако все сіе заключаетъ въ себѣ великую важность, какъ покажемъ въ послѣдствіи. Ибо не можетъ никакъ нравиться то, что неблагопристойно.

Отъ комедіанта должно учиться расказу, съ какимъ видомъ увѣрять, какимъ голосомъ возбуждать гнѣвъ или сожалѣніе. Для бо́льшаго въ томъ успѣха, надлежитъ выбирать изъ комедій приличныя мѣста, т. е. подходящія къ рѣчамъ судебнымъ. Это весьма много способствовать будетъ не только къ хорошему произношенію, но послужитъ къ усовершенствованію слога. Но такъ поступать надобно съ юными

умами, къ важнѣйшимъ усиліямъ еще неспособными. Когда же придетъ время читать съ ученикомъ рѣчи Ораторовъ, и когда сей будетъ въ состояніи чувствовать красоты ихъ, тогда потребенъ рачительнѣйшій и искуснѣйшій наставникъ, который бы не только наблюдалъ за исправнымъ чтеніемъ, но заставлялъ бы наизусть выучивать избранныя мѣста, и произносить ихъ громко, какъ бы въ судѣ, дабы чрезъ то и голосъ выправлялся, и изощрялася память.

II. Не дурно, по мнѣнію моему, удѣлить нѣсколько времени и на тѣлесныя упражненія. Есть для сего нарочныя мѣста (palaestra); однакожъ я разумѣю не тѣ мѣста, гдѣ атлеты одну часть жизни употребляли на то, чтобъ натираться масломъ, другую, чтобъ упиваться виномъ; и живя для тѣла, убивали только душу. Я желалъ бы питомца моего вовсе удалить отъ такихъ позорищъ. Говорю здѣсь о тѣхъ упражненіяхъ, посредствомъ коихъ положеніе тѣла исправляется: чтобъ держать прямо плеча, не дѣйствовать грубо или непристойно руками, не стоять безчинно, не выступать невѣжливо, не держать головы и глазъ несообразно съ прочею осанкою. Ибо всякъ признáется, что и это принадлежитъ къ произношенію, и что произношеніе необходимо для Оратора. Итакъ ненадобно пренебрегать того, что нужно, и особенно,

когда сія (*) *Хирономія*, которая содержитъ, какъ и самое имя показываетъ, законъ или правила движенія рукъ, происходитъ еще отъ ироическихъ временъ, и отъ самыхъ знаменитыхъ мужей Греческихъ, отъ самаго Сократа была одобряема; Платонъ полагаетъ ее въ числѣ гражданскихъ добродѣтелей, и Хрисиппъ въ книгѣ своей о воспитаніи дѣтей, о ней не умолчалъ. Извѣстно по Исторіи, что у Лакедемонянъ былъ въ употребленіи родъ нѣкоторой пляски, коей учились юноши, какъ полезной въ сраженіяхъ. Да и древніе Римляне не считали за стыдъ въ этомъ упражняться; доказывается сіе пляскою, которая и понынѣ сохранилась въ названіи жрецовъ Салійскихъ и въ ихъ служеніи. Тоже подтверждаютъ въ третьей книгѣ Цицерона объ Ораторѣ слова̀ Красса, коими даетъ знать, чтобъ Витія, торжественно говорящій, имѣлъ въ тѣлодвиженіяхъ нѣчто мужественное и благородное, не отъ театра однакожъ и отъ шутовъ, но отъ людей воинственныхъ, или покрайней мѣрѣ отъ борцовъ заимствованное; учиться сему и въ наши лѣта за стыдъ не ставится. Но я не совѣтую продолжать сіе далѣе дѣтскаго возраста,

---

(*) *Хирономія*, слово составленное изъ χεὶρ рука и νόμος законъ, т. е. на правилахъ основанное движеніе рукъ.

да и тутъ недолго: ибо въ тѣлодвиженіяхъ Ораторъ не долженъ походить на плясуна; но дитя отъ таковаго упражненія тѣла непримѣтнымъ образомъ принимаетъ и безъ нашего наставленія какую-то ловкость, которая навсегда въ немъ останется.

ГЛАВА XI.

Въ молодыхъ лѣтахъ можно учиться многому въ одно и тоже время. 1. Ибо таково свойство ума человѣческаго, что многимъ вдругъ заниматься можетъ. 2. Что труды въ ученіи удобнѣе переносятъ отроки. 3. Что имъ достаетъ болѣе времени. — Лѣность только мѣшаетъ Оратору многому научиться.

Обыкновенно спрашивается, ежели бы и нужно было все вышесказанное знать, можно ли учить и учиться тому въ одно время. Иные думаютъ, что различныя занятія развлекаютъ мысли, утомляютъ разумъ и тѣло, да и времени на все это недостанетъ. И хотя бы въ возмужалыхъ лѣтахъ можно перенести такіе труды, но обременять отроческій возрастъ не должно.

1. Но разсуждающіе такимъ образомъ, по видимому, не знаютъ, сколь велика врожденная дѣятельность ума человѣческаго; онъ столь живъ и скоръ, столь способенъ, такъ сказать, раздѣ-

ляться, что не можетъ себя ограничить однимъ дѣйствіемъ; не только въ одинъ и тотже день, но въ одну и туже минуту на многое силы свои напрягаемъ. Развѣ гуслистъ не работаетъ вдругъ и памятью и голосомъ, а между тѣмъ одной рукой бьетъ по струнамъ, другою натягиваетъ, спускаетъ, строитъ ихъ? Даже и самая нога не безъ дѣйствія; бьетъ тактъ и мѣру: и все это дѣлается въ одно время. Мы сами, когда нужда непредвидѣнно заставитъ говорить въ собраніи, не говоримъ ли объ одномъ, а о другомъ мыслимъ: ибо въ одно время ищемъ доводовъ, избираемъ выраженія, принаравливаемъ тѣлодвиженіе, голосъ, видъ лица и всю наружность къ предмету, о коемъ идетъ рѣчь? Ежели все это за одинъ разъ производимъ, то что мѣшаетъ раздѣлять на многіе часы разныя занятія, особливо когда самое разнообразіе оныхъ облегчаетъ и возстановляетъ силы разума, а напротивъ одинъ и тотже безпрерывный трудъ бываетъ для насъ тягостнѣе? По сему-то отъ сочиненія переходимъ, для отдыха, къ чтенію, и соскучивъ чтеніемъ, принимаемся за сочиненіе. Сколько бы много ни трудились, а къ новому занятію нѣкоторымъ образомъ свѣжѣе приступаемъ. Кто не утомится, слушая цѣлый день наставленія въ одной какой нибудь наукѣ? Перемѣна даетъ бодрость: какъ желудокъ различіемъ яствъ воз-

буждается, и отъ изобилія оныхъ меньше обременяется.

Впрочемъ, пусть покажутъ мнѣ другой способъ учиться? Заняться ли одною Грамматикою, потомъ Геометріею? Оставивъ то, чему учились, перейти къ Музыкѣ, прежнее все бросить? И, начавъ учиться Латинскому языку, о Греческомъ уже не думать? Словомъ, заняться только предметомъ послѣднимъ? А для чего не запрещаемъ поселянамъ воздѣлывать вмѣстѣ и земли и виноградники, разводить маслины и другія дерева; пещися въ одно время и о пажитяхъ, и о стадахъ, и о садахъ, и о пчельникахъ? Для чего и сами нѣсколько времени удѣляемъ каждодневно на дѣла судебныя, на услуги друзьямъ, на домашнее хозяйство, на заботы о нашемъ здоровьѣ, даже на самыя забавы? Еслибы каждое изъ сихъ занятій продолжалось безпрерывно, мы пришли бы въ изнеможеніе. Изъ сего видно, что легче заниматься многими предметами, нежели однимъ продолжительно.

2. Не должно опасаться и того, чтобы дѣти были меньше способны къ перенесенію трудовъ въ ученіи. Никакой возрастъ такъ мало не утомляется. Это доказывается опытомъ. Дѣти все перенимаютъ легче, нежели возмужалые. Мы видимъ, что въ первые два года, коль скоро на-

учатся правильно произносить слова, могутъ говорить все, хотя бы ихъ къ тому не принуждали. Напротивъ нашимъ рабамъ, новокупленнымъ, сколько лѣтъ потребно для изученія Латинскаго языка? Кто начиналъ учить уже взрослыхъ, тотъ увѣрится болѣе, что не безъ причины почитается искуснѣйшимъ въ своемъ дѣлѣ человѣкъ, который съ малолѣтства онымъ занимался. Дѣти, по природѣ, сносятъ труды терпѣливѣе, нежели юноши. Дѣти и отъ частаго паданья на землю не такъ больно ушибаются, и отъ обычнаго на рукахъ и на ногахъ ползанья, а вскорѣ потомъ отъ непрерывной игры и чрезъ цѣлый день бѣганья, не столько устаютъ; ибо тѣло ихъ легче, и не дѣлаетъ надъ собою изнурительныхъ усилій: такъ равно и умы, по мнѣнію моему, менѣе утомляются, поелику не своими силами дитя пріобрѣтаетъ познанія, но принимаетъ оныя отъ наставниковъ. Сверхъ того дѣти, по свойственной сему возрасту послушливости, слѣпо слѣдуютъ предписаніямъ учащаго, не замѣчая сами того, что сдѣлали. Они и судить о трудѣ еще не умѣютъ. Впрочемъ, я часто замѣчалъ, что не столько самый трудъ, сколько помышленіе о трудѣ утомляетъ.

3. Да и времени для ученія удобнѣйшаго лучше избрать не можно; поелику ребенокъ за-

нимается однимъ слушаніемъ. Когда дѣло дойдетъ до сочиненія, когда самъ долженъ что-либо произвести, тогда для другихъ наукъ не станетъ или времени, или охоты. Итакъ если Грамматикъ цѣлый день занимать ученика и не можетъ и не долженъ, дабы не произвесть въ немъ отвращенія къ ученію; то на что лучше употребимъ остальные свободные часы, какъ не на упомянутыя мною науки? Но я и самъ не совѣтую, чтобы отрокъ достигъ въ нихъ совершеннаго искусства: чтобы умѣлъ пѣть со всѣми прикрасами Музыканта: чтобы погрузился во всѣ мѣлочи и подробности Геометріи. Я не намѣренъ сдѣлать питомца моего ни комедіантомъ въ произношеніи, ни танцовщикомъ въ тѣлодвиженіяхъ: да хотя бы я и желалъ во всемъ этомъ видѣть успѣхи, то и на сіе достало бы ему времени. Ибо малолѣтство не такъ коротко для того, кто захочетъ имъ воспользоваться: я говорю не о тупыхъ головахъ. Для чего же зналъ и Платонъ превосходно все то, чему учить будущаго Оратора я предполагаю? Онъ, не довольствуясь науками, коимъ могъ научиться въ Аѳинахъ, и наставленіями Пиѳагорейцевъ, къ которымъ ѣздилъ въ Италію, посѣтилъ и жрецовъ Египетскихъ, дабы познать ихъ таинства.

Итакъ увеличивая затрудненія, прикрываемъ только нашу лѣность. Ибо мы не любимъ тру-

да: старается успѣть въ Краснорѣчіи не для того, что оно почтенно и достойно всякаго уваженія, но для того, чтобы сдѣлать изъ него подлое употребленіе и обратить его на пріобрѣтеніе гнусной корысти. Пусть витійствуютъ многіе въ судахъ и безъ пособія помянутыхъ мною наукъ, и даже набогащаются; ибо и корыстолюбивый продавецъ больше прибыли получаетъ, хваля свои товары, и славится публичный крикунъ своимъ голосомъ. Я не хочу и читателя такого, который ставитъ въ цѣну свои труды и ученіе. А кто представитъ въ умѣ своемъ божественное нѣкое изображеніе краснорѣчія, кто оное, по словамъ знаменитаго Трагика Еврипида, будетъ имѣть предъ глазами, какъ непремѣнное правило своего слова, тотъ и плодъ полагаетъ не въ корысти или платѣ тяжущихся, но въ самомъ себѣ, въ своемъ знаніи и благородствѣ мыслей: плодъ постоянный и неподверженный перемѣнамъ счастія; тотъ удобно увѣрится, что время, которое теряемъ на зрѣлищахъ, на ристалищахъ, въ игрѣ, въ праздныхъ наконецъ бесѣдахъ, не говоря уже о безвременномъ снѣ и распутствахъ, можно лучше употребить на Геометрію или Музыку; и онъ въ семъ найдетъ больше удовольствія, нежели въ тѣхъ грубыхъ забавахъ. Ибо Промыслъ, по благости своей, такъ устроилъ, что человѣкъ отъ чест-

ныхъ упражненій чувствуетъ болѣе удовольствія. Но сіе же самое удовольствіе завело и насъ, можетъ быть, далѣе надлежащаго. Итакъ доселѣ довольно сказано, чему должно учить Оратора прежде, нежели будетъ способенъ къ важнѣйшимъ занятіямъ. Слѣдующая книга представитъ новой предметъ; въ ней изложатся должности Ритора.

ПОПРАВКИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
III.	18.	Если и	Если
VII.	11.	поведеніемъ,	поведеніемъ
11.	2.	затмеваетъ	затмѣваетъ
—	27.	пржде	прежде
—	28.	описать	писать
21.	26.	надмѣвается	надмевается
34.	10.	retiquit	reliquit
58.	19.	жено подобнаго	женоподобнаго
74.	5.	Латинскаго	Латинскаго
95.	19.	отвращеніе	отвращеніе
130.	7.	лоскутковъ,	лоскутковъ
178.	10.	поправился	прославился
179.	15.	*και Ισοκράτην ἐὰν*	*Ἰσοκράτην δ' ἐᾶν*
201.	3.	и еще	еще
211.	9.	(*ὕμερον*)	(*ἥμερον*)
227.	6.	племянниковъ	племянниковъ
234.	1.	Примѣръ Азинія	Какъ напримѣръ Азиній
241.	26.	Оппіанина	Оппіаника
248.	7.	обвѣпшалости	обветшалости
259.	18.	Avitus	habitus
286.	12.	Стакена	Спалена
295.	27.	разсказами	расказами
296.	21.	естественниной	естественной
306.	1.	говоритъ	говорить
—	3.	Оппіанина	Оппіаника
—	5.	Оппіанинъ	Оппіаникъ
316.	13.	Оппіанина	Оппіаника
393.	3.	преступленіе	преступленіе

Стран.	строк.		
398.	12.	Тубе	Тубе-
401.	25.	колѣсницахъ	колесницахъ
430.	7.	(Pro Mar.)	(Pro Mur.)
456.	26.	вскяая	всякая
457.	6.	приирава	приправа
469.	7.	Сенщу	Сексту
472.	14.	въ ошвѣтпахъ	въ ошвѣтпахъ
473.	8.	надмѣнное	надменное
476.	3.	иной	оной
482.	28.	полѣзнѣе	полезнѣе